
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2019/4

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2019

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, проф. д-р Татьяна Алексиева, проф. д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф.д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф.д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф.д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф.д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф.д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф.д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор – docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Ценка Досева
д-р Владимир Манчев – отв. секретарь
Гергана Георгиева – технический секретарь

Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу: <http://www.eLibrary.ru> и Национальном референтном списке современных болгарских научных изданий с научным рецензированием по адресу: <https://nrs.nacid.bg/register/search>

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Н. А. Смолякова

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ КЛЯТВЫ НА ПРИМЕРЕ
РЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ.....5

С. Н. Георгиева

ОБНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДОВ РУССКОГО
И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ.....19

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.В. Робский

ПСИХОЛОГИЯ НАКАЗАНИЯ РОДИОНА
РАСКОЛЬНИКОВА.....28

П. П. Филипов

ЛИЦО ВОЙНЫ В РАССКАЗЕ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА
ТОЛСТОГО «НАБЕГ»44

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

С. С. Войславова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «МИР КАЖИМОСТИ»:
РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В
СОПОСТАВЛЕНИИ51

Н. В. Христова

ИДИОМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ОВОЩИ/ФРУКТЫ/ПРОДУК-
ТЫ ПИТАНИЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И СЛАВЯНСКИЙ
ОБРАЗНЫЙ МИР – ПОПЫТКА
СОПОСТАВЛЕНИЯ.....61

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Е. К. Раденкова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.
МАРИНИНОЙ «ЧЕРНЫЙ СПИСОК» И ЕГО ПЕРЕВОДА З.
ПЕТРОВОЙ).....73

В. С. Манчев

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПЕРЕДАЧИ БОЛГАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....85

ЮБИЛЕИ

С. Н. Георгиева

ПРОФЕССОРУ ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ВАЛЕРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ МОКИЕНКО 80 ЛЕТ.....93

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ96

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА98

ЛИНГВИСТИКА

Смолякова Нина Андреевна
доктор филологии, доцент
Иркутский государственный
университет
Россия, Иркутск
e-mail: smolyakovan@mail.ru

Smoliakova Nina Andreevna
Associate Professor, Ph.D
Irkutsk State University
Russia, Irkutsk
e-mail: smolyakovan@mail.ru

Н. А. Смолякова

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ КЛЯТВЫ НА ПРИМЕРЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена отражению представлений о клятве средствами русского языка. В русском языке распространены клятвенные формулы, хотя существует восприятие клятвы как греха. Часто человек клянется, чтобы подтвердить свои обещания или правильность своих слов. При проявлении недоверия к его словам говорящий вынужден призывать в свидетели высшие силы и моральные ценности.

Частотными при выражении клятвы являются устойчивые сочетания с компонентом СЛОВО. Они гарантируют исполнения обещания и свидетельствуют о правдивости сказанного. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами разнообразны. Они либо восходят к ритуалам без религиозного содержания, либо являются клятвами-«самопроклятиями». Достаточно распространенными являются и выражения, включающие обозначение религиозных символов. Их употребление убеждает слушающего, что говорящий не может лгать.

Ключевые слова: клятва, клясться, компонент, подтверждать, призывать, символ, свидетель, функция.

N.A. Smoliakova

THE LANGUAGE IMPLEMENTATION THE CONCEPT OF THE OATH BY THE EXAMPLE OF STABLE COMBINATIONS

Abstract. The paper is devoted to the reflection of the notion about an oath by the means of the Russian language. Oath formulas are spread in the Russian language,

though there is perception of an oath as a sin. A man often makes an oath to confirm his promises or correction of his words. Showing the mistrust to his words the speaker has to call for witnesses the highest powers and moral values.

Frequently expression under oath are stable combinations of the component WORD (I gave you my word). They guarantee the fulfillment of the promise and testify to the truth of foregoing. Phraseologisms with the component-somatism are varied. They either go back to the ritual without religious content, or are oaths - "cursing himself". It is a common expression, including the designation of religious symbols. Their use assures the listener that the speaker can not lie.

Keywords: oath, to swear, component, to confirm, to call, symbol, witness, function.

Мы обратились к этой теме, так как кажется интересным рассмотреть и систематизировать способы подтверждения носителем языка своих слов и действий: *давать честное слово, давать голову свою порукой, клясться родом и плодом, чтоб у меня руки-ноги отсохли, ей-Богу.*

Для этого проанализируем ряд фразеологических единиц с общим значением 'клятва, обещание'.

Предметом нашего исследования являются структурно-семантические особенности клятвенных формул в РЯ. Для выявления особенностей использования анализируемых единиц применялся контекстуальный метод, что позволило выделить оттенки значения фразеологизмов.

ФЕ с общим значением 'клятва, обещание' выбраны из «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молоткова [ФМ], «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова [ФФ], «Фразеологического словаря русских говоров Прибайкалья» (состав. Аксенова С. С., Баканова Н. Г., Смолякова Н. А.; под ред. Н. Г. Бакановой) [ФС]; справочный материал получен из толковых словарей В. И. Даля [Даль], С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [СОШ], малого академического словаря русского языка [МАС]; иллюстративный материал взят с сайта ruscorpora.ru.

О клятве написано много работ. Этим вопросом занимаются лингвисты, психологи, философы и юристы (см., например, список литературы в конце статьи). Нас интересуют языковые единицы, отражающие представления о клятве и обещании. Как формируются клятвы и обещания разных типов?

Начнем с **обещания**. Под **обещанием** понимается ‘добровольное обязательство сделать что-нибудь’ [СОШ]. У Даля находим: **обет, обетовать, -ся** – ‘обязаться, дать слово, верно посулить, заручиться в исполнении чего-либо, обнадежить в чем-либо твердо’; **обетованье, обещанье** – ‘обещанный предмет, вещь или дело; данное слово, принятая на себя обязанность’, например, *Дав обещанье, не отступайся*. И еще: *Что обет, что зарок, опасны.* [Даль, т. 2, стлб. 1641]. Нарушение обещания оценивается отрицательно, а сами обещания изначально положительны. Итак, **обет и обещанье** – это любые обещания и уверения. Но более всего, как нам представляется из словарных дефиниций, все-таки – подтверждение действий.

Обратимся к **клятве**. Первоначально клятвой считалось сочетание вербальных и невербальных средств выражения уверения в истинности слов и действий. Такую клятву современный человек находит в **присяге**.

В современном русском языке это слово обозначает ‘официальное и торжественное обещание’ [СОШ]. Однако носитель языка воспринимает присягу и как действие, как ритуал, где присягающий публично клянется, дает обещание. У Даля это определяется таким образом: **присяга** – общ. действ. по глаг. [**присягать**] – ‘клясться, дать присягу, клятву..., призывать гласно и торжественно Бога во свидетельство, ... целуя Св. Крест и Евангелие’ [Даль, т. 3, ст. 1176].

Присяга известна, например, по церемониалу торжественной клятвы в вооруженных силах. Обратимся к тексту военной присяги Российской Федерации: «...*Торжественно присягаю на верность своему Отечеству. Клянусь свято соблюдать Конституцию... Клянусь достойно исполнять...*». Как в древности, так и в современном мире присяга – это торжественное обещание, клятва верности. В ритуал воинской присяги включены невербальные средства – целование государственного флага.

Слово в сознании носителя языка обладает магической силой. Магическую функцию выполняют заговоры, проклятия, молитвы, клятвы, в том числе божба и присяга; табу и табуистические замены и др. Причиной отношения к слову как к магической силе является

представление о том, что слово – это часть некоторого предмета, а не его условное обозначение. «Отождествляя знак и обозначаемое, слово и предмет, имя вещи и сущность вещи, мифологическое сознание склонно приписывать слову те или иные трансцендентные (чудесные, сверхъестественные) свойства – такие, как магические возможности; чудесное (“неземное” – божественное или, напротив, демоническое, адское, сатанинское) происхождение; святость (или, напротив, греховность); внятность потусторонним силам» [Мечковская, 1998, с. 42].

Можно говорить о том, что клятвенное подтверждение слов дает полную уверенность в их правдивости.

Современное значение слова **клятва** – ‘торжественное обещание, уверение’ [СОШ]. Таким образом, связь между **обещанием** и **клятвой** очевидна. Часто клятва употребляется при обещании.

Клятва – это торжественное обещание сделать (не сделать) что-либо или подтверждение истинности своих слов или действий. Первоначально клятва соотносится с мифологическими представлениями, впоследствии, с возникновением религии, превращается в религиозно-правовой, а позднее – в чисто правовой акт [Орехов, 1989, с. 214].

В христианстве клятва считается грехом, так как в Нагорной проповеди Иисус Христос провозгласил: «...Говорю вам: не клянись вовсе...» (Матф. 5, 34). В современной жизни эти слова можно пояснить следующим образом: клятва не нужна честному человеку, так как он всегда говорит правду, и его слова не нуждаются в подтверждении.

В русских пословицах также отражено восприятие клятвы как греха: *Где клятва, тут и преступление, Не божись, и без божбы грехов за плечами в кошеле не снесешь* (Даль). Но наряду с такими выражениями В. И. Даль дает и разнообразные клятвенные формулы: *Чтоб мне до утра не дожить, Хоть голову на плаху* и др.

На Руси в XV-XVII веках клятва осуждалась. Но некоторые виды клятв церкви приходилось принимать, так как они были государственной необходимостью (например, крестоцелование). А также существовал обычай «давать руки» или «ударять по рукам» –

ритуал, не имевший религиозного содержания, скреплявший верность данному слову [Стефанович].

Есть разные точки зрения на то, что именно является грехом – сама клятва или ее невыполнение. Так, по мнению С. И. Орехова, «содержание клятвы, связанное с именем бога¹, – это не просто взятая на себя совокупность обязанностей, но и приобщение к богу» [Орехов, 1989, с. 215], а любой христианин с момента крещения выполняет клятву-обет: быть верным Богу. Следовательно, сам факт клятвы не является грехом, в отличие от клятвопреступления. «Поскольку душа человека находится под контролем бога, то клятвопреступление – это не просто нарушение слова, а слова божественного, не только невыполнение обязательства, но посягательство на бога, богохульство» [Там же].

Клятва встречается в различных формах (видах). Это может быть убеждение в истинности своих слов, закрепление каких-либо договоренностей, подтверждение своих действий. Существует клятва в виде присяги перед несением воинской службы и клятва-обет, даваемая из религиозных побуждений (ср. также Торжественное обещание юного пионера, «Клятва Гиппократ» и др.).

В зависимости от вида клятвы реализуют различные функции. Сошлемся на классификацию С. И. Орехова. **Сакральную** функцию выполняют обеты, данные Богу (например, при крещении). **Регулирующая** функция реализуется клятвой-присягой. Такая клятва контролирует внутрисоциальные отношения (присяга на верность князю). **Бытовая** функция имеет место при заключении повседневных договоренностей (обычай «ударять по рукам»). Клятва, подтверждающая действия говорящего, выполняет **мотивирующую** функцию. «Императивность, предписание в клятве "делать то-то" не оставляют места сомнению и возможности отклонения от выбранного пути». [Орехов, 1989, с. 215].

Итак, обратимся к нашему материалу, чтобы посмотреть, как формировались клятвы и обещания: только ли с крестом и ударом по рукам связано образование языковых формул: *видит Бог, вот те*

¹ Здесь и далее авторская орфография сохранена.

крест, вот тебе моя рука, готов голову положить, лопни мои глаза, ей-Богу и др.

Для удобства разделим наши устойчивые выражения на несколько условных групп, например, по составу компонентов. Это выражения с компонентом *слово*, с компонентами-соматизмами; ФЕ, включающие названия религиозных символов, обозначение предков и/или потомков.

Рассмотрим ФЕ, включающие компонент *слово*.

Это, например, такие единицы: *право слово* – ‘в самом деле, правда. Выражение уверения в чем-л.’ [ФМ], *честное слово* – ‘выражение уверения в истинности, правдивости чего-л.’ [ФМ]. Предположим, что от этих уверений в истинности образовались следующие обороты: *давать (дать) честное слово* – ‘клятвенно уверять кого-л. в чем-л., твердо обещать что-л.’ [ФФ], *под честным словом* устар. ‘дав кому-л. слово, клятвенное заверение в чем-л.; пообещав’ [ФФ], *вот мое слово* – прост., экспрес. ‘клянусь, обещаю, даю слово’ [ФФ].

Почему можно *давать* слово, *держат/не сдержат* слово, *блюсти* его?

Устойчивый оборот *дать слово* отражает представление о слове как вещи, предмете (ср. *взять обратно / возвращать / вернуть свои слова*). «Наивная картина мира оперирует словами, как вещами. Мы берем и даем слово, вкладываем его в чужие уста, храним и держим его. Слова, как и объекты физического мира, могут быть *пустыми* и *наполненными смыслом, тяжелыми и легковесными*» [Кашкин]. Вариант *под честное слово* дает право думать, что слово может быть залогом (ср. *под залог*).

Слово - 4. ‘Обязательство делать, выполнить что-л.; обещание’. *Сдержат свое слово; связать себя словом* [МАС]. По Далю, **слово** (одно из значений) – ‘обет, обещанье, скрепление истины, ручательство’. *Дать слово; он связан словом; я ему на-слово не поверю* [Даль, т. 4, стлб. 255]. В древние времена и позднее, в России, слово деловых людей, например, купцов, было гарантом, аналогом современного договора, контракта. Можно сделать вывод о том, что ФЕ ‘обещание’, включающие компонент *слово*, должны подтверждать истинность слов, закрепление договоренностей.

Рассмотрим группу выражений, включающих соматизмы. Это названия важных частей тела: *голова, руки, ноги, глаза* и др.

а) компонент «голова»: *дать (давать) голову свою порукой, готов голову положить, дать (давать) голову на отсечение* и др.;

б) компонент «рука»/ «руки и ноги»: *отсохни <у меня> руки и ноги, вот <вам, тебе> моя рука*;

в) компонент «язык»: *чирей мне на язык, отсохни <у меня> язык*;

г) компонент «глаза»: *лопни <мои> глаза*.

Фразеологизмы, включающие компонент «голова», вероятно, произошли от клятвы-присяги князю на верность. Голова как символ человеческой жизни фигурирует и в других устойчивых выражениях: человеку следует «блюсти головы своей», он рискует «головой своею». («Всташа бояре и купци, рекуще: княже, мы тобѣ добра хочемъ и за тя головы своѣ складываемъ») [Стефанович]. Ср. пример из литературы 19 века: *Готов на своей правде крест целовать, государь; кладу голову порукой в речах моих* (А. К. Толстой. Князь Серебряный. обр.: 7.11.2014)².

См. также *дать (давать) голову на отсечение: Во-первых, завтра вам станет лучше — есть признаки, даю вам голову на отсечение* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго); *Я закрывал глаза и слушал и, как говорится, давал голову на отсечение, что на сцене два человека, а это был один — Василий Иванович Качалов* (Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000) обр.: 7.11.2014).

Подтверждение не только словам, но и делам дает и компонент «рука». Обратимся к толковым словарям: *Дать руку (слово); дать за кого руку* – ‘поручиться’ [Даль, т. 3, стлб. 1735]. *Ударить по рукам* – ‘сойтись в сделке, согласиться’ [Даль, т. 4, стлб. 951]. *Дать голову (или руку) на отсечение* – ‘с полной убежденностью ручаться за что-’ [МАС]. *Бить (или ударять) по рукам* – ‘заключать сделку, соглашение’ [МАС]. *По рукам* – ‘решено!’ [МАС]. Ср.: *...до последней минуты я не подозревал ничего — отдал бы руку на*

² Здесь и далее примеры приводятся с сайта ruscorp.org

отсечение, что он не притворяется (Д. С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи. обр.: 7.11.2014))

Выражение *вот <тебе, вам> моя рука* восходит к древнему обычаю «давать руки» или «ударять по рукам» (ритуал, скреплявший верность данному слову, без религиозного содержания) [Стефанович].

Удивительно, насколько широк диапазон значений, выражаемых ФЕ с соматизмами (*рука* и *голова*): это и регулирующая функция (присяга), и бытовая, а клятва, подтверждающая действия говорящего, служит мотивации поведения.

Другая картина вырисовывается из выражений *отсохни <у меня> руки и ноги, чирей мне на язык, отсохни <у меня> язык, лопни <мои> глаза* и т.п.

Здесь мы сталкиваемся с клятвами-«самопроклятиями»: говорящий угрожает себе увечьями.

Можно предположить, что первоначально слово «клясться» имело значение ‘призывать на себя проклятия в случае лжи’. Следовательно, лексема «клятва», по выражению Ю. Монича, «обслуживает две семантические зоны»: «обещание» и «проклятие».

«В одних контекстах посредством таких слов обозначаемый акт оценивается как ‘проклятие, сквернословие, ругань’ в других как ‘сакральный акт клятвы, присяги’, как ‘торжественное обязательство осуществить действием то, что предварительно сформулировано в словесной или какой-либо иной знаковой форме’» [Монич, 2000, с. 72]. Этим объясняется структурное сходство клятвенных формул и проклятий (ср. *не будь я кто, будь я <трижды> проклят, будь ты проклят*). Можно предположить, что клятвы типа *чирей мне на язык, лопни <мои> глаза* и под. использовались, чтобы показать, что говорящий ни за что не нарушит обещания, опасаясь названного ущерба.

Следующая группа, которую мы рассмотрим, это ФЕ, включающие обозначение религиозных символов. Сюда относятся обращения к Богу: *суди меня Бог, убей <меня> Бог, пусть отнимет у меня Бог мою жизнь, пускай Бог разразит, истинный Бог, вот те крест, вот тебе святая пятница, вот те Христос, видит Бог, Бог тому свидетель*.

По-видимому, такие клятвы назывались **божбой**; отсюда глагол **божиться**, (ср. **божиться** – ‘клясться именем бога, говорить «ей-богу» в подтверждение правильности своих слов’ [МАС]), хотя у Даля любая клятва называется божбой, ср.: *Лопни глаза, божба* [Даль, т.1, стлб. 873] .

Используя клятвы, включающие религиозные символы, носитель призывает высшие силы в свидетели и судьбы: **вот те Христос, видит Бог, суди меня Бог, пусть разразит меня Бог** и др.

Редко встречаются угрожающие упоминания ада: *да проглотит (пожрет) геенна огненная*. Например: *Оба – и Луков и Воронин – стали креститься, что-де не брежут, провалиться им на сем месте, да поглотит их геенна огненная...* (Ю. П. Герман. Россия молодая. обр.: 7.11.2014).

ФЕ, включающие религиозные символы, произносятся, если судить по примерам их употребления, в подтверждение истинности сказанного.

Клятвенные формулы, включаемые в подобный контекст, называют некую угрозу для жизни или здоровья человека. Существуют клятвы, не содержащие такого значения самопроклятия: *вот крест святой, верьте чести, ей-богу*.

Используя в качестве клятвы фразеологизмы *вот тебе святая пятница, вот те Христос, вот те крест*, человек привлекает в подтверждение своих слов различные религиозные понятия. *Вот крест <святой>* – ‘клятвенное заверение, нередко сопровождающееся соответствующим жестом руки’. [ФФ]. Судя по уточнению, данному в словарной статье, одной словесной клятвы мало – требуются дополнительные средства подтверждения слов. Причем выбор этих средств осуществляется в зависимости от того, какой смысл, говорящий вкладывает в слово «крест». Словарь дает следующие значения: **крест** – ‘символ христианского культа – предмет; у христиан: молитвенный жест рукой’ [СОШ].

Ср.: *Солдат опять ухмыльнулся. – Офицерья там! – Господь с вами, обыватели мы. Вот те крест. – Василий Парамонович торжественно перекрестился. – В дому и мужчин-то нет, один я, купеческого звания. Дом, коли нужен, забирайте, все одно – пустой.* (Борис Васильев, Дом, который построил Дед. обр.: 20.04.2009). – Ты

с Юлькой видишься? Только не ври. – Он полез за пазуху: **Вот те крест!** И действительно показал мне маленький белый крестик. (Григорий Бакланов. Мой генерал. обр.: 20.04.2009)

Как мы видим из контекстов художественных произведений, в устойчивых выражениях могут быть использованы оба значения слова *крест*.

Употребление фразеологизмов этой группы убеждает слушающего в том, что говорящий не может лгать.

Используя клятвы данной группы, человек осознает невозможность самому осуществлять полный контроль над будущими событиями, «требуется вмешательство более сильного (всесильного) существа, и человек находит его в боге» [Орехов: 215].

На особом месте находится *выражение целовать крест*. Выражение пошло от реально существовавшего обычая целовать крест при присяге. Этот устойчивый оборот можно отнести к группе «профессиональных» фразеологизмов, зародившихся в профессиональной среде и впоследствии получивших более широкое распространение [Мокиенко, 1989, с. 165].

Изначально оно, по-видимому, означало только *присягать*. Ср.: *Судаль первый изменил чести...: целовал крест Самозванцу...* (Н. М. Карамзин. История государства Российского. т. 12. обр.: 4.12.2016); *...Ты так же, как и я, целовал крест государю Петру Алексеевичу* (М. Н. Загоскин. Русские в начале осмнадцатого столетия. обр.: 4.12.2016). Здесь устойчивое сочетание называет ритуал, регулировавший внутригосударственные отношения. Впоследствии это выражение стало употребляться и в значении ‘клясться’. Ср.: *Тогда вече сказало князю: «Вот ты лишаешь мужа должности, а ведь ты нам крест целовал без вины мужа должности не лишать»* (В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 18-29 (1904). обр.: 4.12.2016); – *Ты мне крест целовал, что не будешь пить, и присяги не сдержал* (А. В. Амфитеатров. Кельнерша (из сборника «Бабы и дамы» (1895). обр.: 4.12.2016)

Среди анализируемых контекстов встретились такие, которые описывают ситуацию, когда адресат не верит простому слову говорящего, вынуждая его поклясться. – *Ах, няня!* - восклицала

Лизавета Ивановна, - да неужели же это правда? А няня возражала: – Убей меня бог, матушка, пусть лучше у меня язык отсохнет, если я лгу (И. Панаев. Барышня. обр.: 4.12.2016). – *Нет. Никто из наших не знает. – Не врешь? – Вот те крест!* (Леонид Юзефович. Дом свиданий. обр.: 4.12.2016).

Иногда выражение недоверия не проявляется вербально, но говорящему все же необходимо поклясться для убедительности.

Рассмотрим ФЕ, включающие обозначение моральных ценностей: *верь совести, верьте <моей> чести.*

Существительные этого ряда формул обозначают качества человека. Акцент переносится с говорящего на его черты. Честь и совесть, таким образом, олицетворяются и выступают в качестве свидетелей правоты говорящего. Использование такой клятвы может иметь смысл ‘если вы не верите мне, то поверьте моей чести/совести’. Ср.: *Оно, конечно, человек я потерянный и неспособный, но верьте совести: без куска хлеба и хуже собаки...* (А. П. Чехов. Страх. обр.: 04.12.2016); - *Ваше благородие... хрестьяне православные, - заговорил он умоляющим тоном, - не делал я этого. Верьте совести – не делал!.. Со страху нешто, не помню...* (В. Г. Короленко. Убивец. обр.: 4.12.2016); *Исправник побагровел, и горячо говорил: – Верьте чести, не от меня зависело. Творю волю...* (Ф. К. Сологуб. обр.: 4.12.2016)

Следующий ряд ФЕ – это формулы, включающие обозначение предков и/или потомков: *клясться родом и плодом, клянусь детьми и под.*

Например, – *Я не знаю, Александр Владимирович, - честно сказал Корабельников. - Как вы говорите – клянусь матерью? Страшная клятва? Так вот, клянусь вам сыном. Думаю, эта клятва страшнее* (Дмитрий Быков. Орфография. обр.: 04.12.2016); – *Не трону, клянусь, матерью клянусь, Богом самим, посидим просто, посмотрю на тебя – и всё.* (Алексей Слаповский. Висельник. обр.: 4.12.2016); *Клянусь матерью своей, что до последнего дыхания я не сверну с этого пути!* (А. А. Фадеев. Молодая гвардия. обр.: 4.12.2016)

Используя подобные выражения, говорящий ставит под угрозу память об уже умерших предках, здоровье и жизнь всех родственников.

Итак, мы проанализировали фразеологические единицы с общим значением 'клятва'. Становится очевидным, что при использовании данных фразеологизмов носитель языка может сам отвечать за свои слова (*даю слово, честное слово, честью клянусь*), призывать в свидетели Бога (*видит Бог, Бог свидетель*), ставить под угрозу жизнь и здоровье своих близких (*клянусь детьми, матерью клянусь*) и собственное здоровье (*лопни <мои> глаза, чтоб у меня руки-ноги отсохли*).

Выяснилось, что в христианском сознании употребление подобных выражений считается грехом, но, тем не менее, клятва достаточно активно используется в языке. Можно предположить, что носителя языка больше беспокоит настоящее (необходимость убедить собеседника в чем-либо), чем будущее (возможные последствия невыполнения клятвы). Кроме собственно клятв распространены присяги, торжественные обещания, которые используются в государственных или общественных отношениях. Из бытовых и торговых отношений сохранились выражения, связанные с обычаем давать руку в знак верности своих слов.

Библиографический список:

1. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты [Электронный ресурс] / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. - Воронеж. - 2002. - Вып. 3. - Электрон. версия печат. публ. - Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kashkin-02.htm>
2. Мечковская Н.Б. Язык и религия: лекции по философии и истории религий: пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская – М.: Агентство "ФАИР", 1998. – 352 с.
3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В.М. Мокиенко - М., Высш.шк.,1989. - 287 с.
4. Монич Ю.В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем /Ю.В. Монич // Вопросы языкознания. - 2000. - № 6. - С. 69-98.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003.

6. Орехов С. И. Клятва и проклятье как элементы религиозного культа / С.И. Орехов // Отношение человека к иррациональному: сб. ст. - Свердловск, 1989. - С.198-215.
7. Стефанович П. С. Давали ли служилые люди клятву верности князю в средневековой Руси? [Электронный ресурс] / П.С. Стефанович // Мир истории. - 2006. - №1. - Электронный журнал. - Режим доступа: <http://www.historia.ru> (3,0 а.л.).
8. Словарь русского языка: в 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
9. Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья / Н.Г. Баканова – Иркутск, 2006.
10. Фразеологический словарь русских говоров Сибири /А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука. - 1983
11. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, П.П. Жуков, А.И. Молотков – СПб., 1994.

Literary sources:

1. Kashkin V.B. Bytovaya filosofiya yazyka i yazykovyye kontrasty [Domestic philosophy of language and linguistic contrasts] [Electronic resource] Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and applied linguistics]. Voronezh, 2002. - Iss. 3. - Electron. version print. publ. - URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kashkin-02.htm>
2. Mechkovskaya N.B. Yazyk i religiya: lektsii po filosofii i istorii religiy: posobiye dlya studentov gumanitarnykh vuzov [Language and religion: lectures on philosophy and the history of religions: a Handbook for students of humanitarian universities]. M, Agency "Fair", 1998, 352 p.
3. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya: ucheb. posobiye dlya vuzov po spets. «Rus. yaz. i lit.» [Slavic phraseology: proc. textbook for universities on spec. "Rus. yaz. and lit."] Moscow, Higher education, 1989, 287 p.
4. Monich Yu.V. *Ambivalentnyye funktsii rituala v evolyutsii yazykovykh sistem* [The Ambivalent function of ritual in the evolution of language systems] . *Voprosy yazykoznaniiya*. [Problems of linguistics]. 2000, no, 6, pp. 69-98.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow, "ITI TECHNOLOGIES", 2003.
6. Orekhov S.I. Klyatva i proklyat'ye kak elementy religioznogo kul'ta [The Oath and the curse as elements of religious worship] In: *Otnosheniye cheloveka k irratsional'nomu* [The Relation of man to the irrational: collection of articles] . Sverdlovsk, 1989, pp. 198-215.

7. Stefanovic P. S. Davali li sluzhilye lyudi klyatvu vernosti knyazyu v srednevekovoy Rusi? [Give service people the oath of allegiance to Prince in medieval Russia?][Electronic resource] In: Mir istorii [World history]. 2006, no. 1. E-zine. URL: <http://www.historia.ru> (3.0 a.l.).
8. Frazеologicheskiy slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya / [Phraseological dictionary of Russian dialects of Transbaikalia]. In N.G. Bakanova (Ed.). Irkutsk, 2006.
9. Frazеologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri [Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia]. In: A.I. Fedorov (Ed). Novosibirsk, Science,1983.
10. Frazеologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of Russian language]. In. A.I. Molotkov(Ed.). Saint-Petersburg, 1994.
11. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. [Russian dictionary: in 4 vol.] In: Evgenieva A.P. (Ed.). Moscow, Russian language, 1981-1984.

Георгиева Стефка Иванова
доктор филологии, профессор
Пловдивский университет
им. Паисия Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: stefka3@abv.bg

Georgieva Stefka Ivanova
Professor, Ph.D.
University of Plovdiv
Paisiy Hilendarski
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: stefka3@abv.bg

С. И. Георгиева

ОБНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДОВ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Глобализационные процессы, связанные с экономической и политической жизнью разных стран, повлияли на развитие национальных культур и языков. Динамические процессы оказали влияние на фразеологические фонды славянских языков. В них наблюдается борьба двух тенденций – стремление к обновлению и сдерживающее „охранительное“ противодействие. Современные исследования выявляют огромный фонд новых устойчивых образований в русском и болгарском языках со структурой словосочетаний, но паремий в инновациях не зафиксировано в обоих языках. Встречаются суждения, которых можно отнести к группе крылатых слов. Группа новых заимствований в славянских языках в основном из английского языка. Фразеология стала активно использоваться в СМИ, в рекламных текстах, в речи политических деятелей, а многие известные фраземы получили „вторую жизнь“, связанную с жизнью конкретной страны.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический фонд, инновация, глобализация, устойчивый словесный комплекс.

S. I. Georgieva

UPDATING PHRASEOLOGICAL FUNDS OF THE RUSSIAN AND THE BULGARIAN LANGUAGES

Abstract. Globalization processes, connected with the economic and political life in different countries, have influenced the development of national cultures and languages. The dynamic processes have influenced the phraseological funds of the Slavic languages. Two opposing tendencies can be observed: striving to update and restraining “guarding” counteraction. Modern surveys reveal a huge fund of new

phrasemes in Russian and Bulgarian with the structure of phrasal units but no pemiias have been fixed in updating in both languages. There are some phrases which can be included in the group of proverbs or aphorisms. The group of these new formations are mainly from English. This phraseology has been actively used in the media, in advertisements, and in the speeches of politicians. Some of these popular prasemes have received new meaning connected with the life in a given country.

Keywords: praseme, phraseological fund, updating, globalization, idiomatic complex.

Глобальные изменения в экономике, торговле, коммуникациях, в политической жизни и др. привели к семантическим и функционально-стилистическим изменениям во многих славянских языках. Изменилась привычная „картина мира“ и для человека, который пользуется языком, его коммуникативными и стилистическими средствами. Эти закономерные процессы отразились ярче всего на лексической и фразеологической системах и связаны с их основной номинативной функцией. Каждая эпоха обогащает язык новыми словами и выражениями, которые связаны с измененной реальностью. Эти единицы обладают особой коннотацией, отражают характерные приметы своего времени, „кодируют“ своей номинацией моменты появления всего нового в жизни носителей языка. Некоторые из них закрепляются в языковой системе, а другие быстро исчезают.

Наиболее активно живые процессы, протекающие в конкретный период времени, отражаются в средствах массовой информации (СМИ), а потому с лингвистической точки зрения они как источники чрезвычайно интересны для исследователя. Отличительной особенностью СМИ является широкое использование фразеологических единиц (ФЕ), в том числе тех из них, которые были порождены в ответ на потребность именовать новые реалии, значимые события, оригинальные идеи, открытия. В пространстве публицистического текста, который ставит себе целью внушать и воздействовать на сознание, моделировать поведение народных масс и отдельных личностей, фразеологизмы особо востребованы как яркие, обладающие несомненной воздействующей силой средства языка. Они дополняют

представления о реальных фактах, делают их живыми, убедительными.

Известно, что фразеологизмы относятся к одному из самых подвижных, динамична меняющихся пластов языка. Это стало особенно заметно в наше время, время кардинальных политических, социальных и экономических перемен в Болгарии и в России.

Новая фразеология встречается в разных сферах жизни: в печатных изданиях, в интернет-ресурсах, в живой разговорной речи, в художественных текстах, в радио- и телепередачах, в публичных выступлениях. Приведём только один пример. В средствах массовой информации Европы и Соединённых Штатов Америки широкое распространение получил оборот *рука Кремля*. Что бы ни случилось, виноватой оказывается *рука Кремля*. Проник этот оборот и в СМИ России, где употребляется с иронией: «Рука Кремл» на Украине бессильна потому, что ее там нет. ... в реальности никаких «пророссийских оппозиционеров» в стране нет. «Рамблер», 25.07.2017; *Куда ни глянь – Рука Кремля! / Под ней лежит уж вся Земля. / И где бы что-то ни случилось, / Причина всем давно ясна: / Рука Кремля! Рука Кремля! <...> «Рука Кремля»*: драма с прологом и эпилогом. Фелискет, 16.03.2018;.

Чаще всего наблюдается семантическая трансформация устойчивых словосочетаний, так как именно образность лежит в основе формирования нового обобщенного метафорического значения. Обязательным условием метафоризации всего словосочетания и закрепления за ним новой фразеологической семантики имеет характер возникающей образности: она должна быть прозрачной, понятной для носителей языка. Например, б. ФЕ *ветровито място* – ‘нестабильное положение’ возникла благодаря метафорическому переносу прилагательного *ветровито* – ‘на кого-то влияет ветер, кто-то шатается’ (ср. *Това място е много ветровито* – нефразеологическое, прямое значение словосочетания *ветровито място*) [1,993]. Контекст, в котором используется ФЕ и номинативное словосочетание один и тот же (*Шефското кресло в здравната каса е доста ветровито място и това е една от причините за честите смени в институцията* («Новинар», 2006).

Рус. ФЕ *вылить ушат помоев на кого* – ‘незаслуженно оскорбить, опорочить, обвинять кого-л. в чем-л. предосудительном’ также возникла в результате метафоризации свободного словосочетания: *Деревенские сплетницы не один ушат помоев вылили на нее. За то, что продолжала любить красавца-татарина. А его женили на тихоне-соседке* (Запись 2014 г.).

Обновление фразеологических фондов русского и болгарского языков идет из разных источников. Встречаются библейские ‘служить двум богам’ – ‘служба на двама бога’, военные ‘пустить в ход тяжелую артиллерию против кого’ – ‘пускам тежката артилерия против някого’, политические ‘двойные стандарты’ – ‘двоен стандарт’, музыкальные ‘на высокой ноте’ – ‘на висока нота’, из сферы искусства ‘свет в конце туннеля’ – ‘светлина в тунела’, из мультфильмов ‘Сделайте, пожалуйста, умные лица’ – ‘Направете, моля ви, умни физиономии’, разговорные ‘быть осторожным на поворотах’ – ‘внимавай на завоите’, вульгарные ‘оказаться в заднице/ в жопе’ – ‘оказах се в задника /на някого/’, иноязычные ‘ноу-хау’ – ‘ноу хау’, спортивные ‘гол в свои /собственные/ ворота’ – ‘гол в соите врата’, литературные ‘закопать топор войны’ – ‘зарявам брадвата от войната, и др. инновационные ФЕ.

Фразеологические фонды национальных языков отражают специфику конкретного этноса. Каждый язык развивается своим путем и это связано скорее всего с экстралингвистическими факторами – как с политической, экономической, социальной жизнью страны, так и с традициями народа, с его историей, географическим расположением и др.

Во фразеологических фондах конкретных языков встречаются интернациональные и национальные элементы. Известно, что многие ФЕ появились в разных языках с одинаковой образностью, структурой, значением и это благодаря яркому образу фраземы. Например, /р/ *что-л. не по карману (кому-л.)* – /б/ *(нещо) (не) ми е по джоба; за кадром – зад кадър; нажать на все педали – натискам педалите; не мой (его, ваш и пр.) день – не е моят ден* и др. Среди инновационных фразем наблюдаем много общих ФЕ в русском и болгарском языках.

В последние годы очень активно стало использоваться в наших языках словосочетание *черная пятница* – *черен петък*. В толковых словарях русского и болгарского языков прилагательное *черный* не имеет значения 'благоприятный период для покупателей, когда действуют максимальные скидки на многие предметы' [4, 667-668]. Это новое значение прилагательного *черный* для славянских языков. В 1960 года устойчивое словосочетание *Black Friday* впервые появилось в Филадельфии. Этим термином служащие местной полиции называли пятницу после Дня благодарности из-за больших пробок на дорогах. Статистика показывает, что с каждым годом интерес к *черной пятнице* растет, последние годы этот день занимает первое место по продаже [2].

Английское устойчивое словосочетание *Black Friday* (*черная пятница*) стало употребляться и в славянских языках. В обиход в наших странах оно вошло последнее десятилетие и это связано как с активизацией международной экономической жизни, так и с активным использованием английского языка как средства массовой коммуникации. Это значение в устойчивом словосочетании из английского одним и тем же образом заимствовано как в русском, так и в болгарском языках. В русском и в болгарском языках слово со свободным значением расширило свой диапазон и теперь активно используются и словосочетания *черная неделя* – *черна седмица*, *черен уикенд* [5, 1].

С другой стороны, жизнь в конкретной национальной среде порождает ФЕ, которых нет в другом языке. Например, новые русские ФЕ *вежливые люди* 'российские военные, обеспечившие мирный исход протестного движения в Крыму, проведение референдума и присоединение полуострова к России в марте 2014 г.'; *парад суверенитетов* 'принятие деклараций о независимости республиками и регионами бывшего СССР после провозглашения Б. Ельциным девиза „Берите суверенитета столько, сколько сможете взять“'; *черная лихорадка* 'ажиотаж, связанный с добычей нефти'; *выпрыгивать из мундира* 'очень сердиться'; *лечь на дно* 'затаиться'; *вернуться в цинковом гробу* 'погибнуть'; *Едрит Мадрид* 'всклицание, выражающее различные эмоции: удивление,

негодование, сожаление, восторг` и др. Русские ФЕ связаны с жизнью и бытом страны.

Новые болгарские ФЕ связаны с характером жизни болгар, их бытом и т.п. Например, *дървена мафия* `группа людей, которая занимается вырубкой лесов и продажей уничтоженных деревьев с целью финансовой наживы`; *на нокти съм (с някого)* `кто-л. готов к нападению`; *на дневен ред (съм)* `теперь моя очередь`; *микрофонът е ваш* `у кого-л. есть возможность выступить`; *паля фитили* `побуждение (обычно тайное) к каким-л. тайным действиям; *пия (студена) вода* `безрезультатность`; *отрязвам квитанциите (на някого)* `лишать кого-л. дальнейших действий`; *свивам перките (на някого)* `ограничить действия кого-л.`; *давам на заден ход* `отступить` и др. Очень продуктивна также группа ФЕ с „цветовыми“ прилагательными, у которых нет соответствий в других языках: *зелено училище* `учебное заведение, в котором занятия проводятся на природе`, *синьо училище* `учебный центр, в котором занятия проводятся недалеко от водного источника`, *оранжево училище* `учебный центр, в котором занятия проводятся осенью`, *бяло училище* `учебный центр, в котором занятия проводятся зимой`; *бяла държава* `государство с организованной жизнью`, *жълти стотинки* `дешево, мелочь`, *жълта метла* `сторонники партии царя` и др.

Глобализационные изменения накладывают отпечаток и на язык. Все исследования выявляют активное влияние русского языка, русской терминологии и т.п. на болгарский язык [3, 11] в период 1945 – 1989 г., когда был Варшавский договор, когда контакты между обеими странами были исключительно активными во всех областях жизни. После 1990 года ситуация изменилась и это отразилось на обоих языках. Засилилось влияние английского языка в мировом масштабе. Во фразеологические фонды русского и болгарского языков утвердились новые заимствованные ФЕ из английского языка, которые номинируют новые внеязыковые явления. Например, *порог обеспечения – осигурителен праг*; *мокрый заказ – мокра поръчка*; *кровавая баня – кървава баня*; *черный список – черен списък*; *настраиваюся на другую волну – настройвам се на друга вълна*; *требовать крови – искам главата*

на някого и др. («Килърите 2» се превърнаха от страховита организация за мокри поръчки и убийства в обикновена група за обири и грабежи... «Днес» 2018). Новые устойчивые словосочетания русского и болгарского языков имеют упрощенную структуру, например, *тяжелая артиллерия – тежка артилерия, батарейки садятся – бушоните в главата запушват /на някого/*, но есть и словосочетания с усложненной структурой: *апарат находится вне зоны сети – апаратът се намира извън зоната на обхват; пересадить обезьяну на чужие плечи – прехвърлям топката на някого`* перебросить проблемы на кого-л.` и др.

В последнее время появилось очень много новых фразем в славянских языках, но новых паремий нет ни в русском, ни в болгарском языках, и это не случайно. Вопрос о происхождении паремий напрямую связан с обращением к материальной и духовной культуре народа, в зеркале которого они появляются, а видимо новое время последних трех десятилетий не дает оснований для глобального обобщения. Встречаются афоризмы (*/р/ хотели как лучше, а получилось как всегда – слова В. Черномырдина*), устойчивые суждения (*/б/ за кокошка няма прошка, за милиони няма закони`* украд курицу – не простят, украд миллион – закон не в силе`) и др.

Производит впечатление факт, что в русском фразеологическом фонде зафиксировано много новых крылатых слов из мультфильмов: *Не смешите мои подковы; Вдруг завтра бой, а я уставший; Вкуснато, но маловато; Жену не за покорность любят* и др. [6]. В болгарском фразеологическом фонде новых крылатых слов из мультфильмов не встречается, но встречаются устойчивые выражения, связанные с политической жизнью: *СДС – Стани да седна (Д. Драганов); Няма такава държава; Съсипаха я тази държава; Днес е хубав ден за българската демокрация (А. Йорданов); Да, ама не (П.Бочаров); Не ме гледай умно, глупако!* и др.

Новый взгляд на природу человеческого мышления свидетельствует о том, что понятийная система человека обусловлена его «телесным опытом» и имеет смысл лишь в

терминах этого опыта, а также, что мышление образно. Каждое время имеет свои образы, в которых имплицитно присутствуют огромные массивы информации, необходимые для понимания его содержания и которые связаны с образом жизни народов. Образные средства языка, фраземы являются важнейшим источником сведений о характере времени и об организации человеческого мышления.

В СМИ наблюдается активное использование ФЕ, с измененной, актуализированной образной основой, которые дают языковым единицам «вторую жизнь».

Библиографический список

1. БТР: Български тълковен речник. Съст. Л. Андрейчин и др. София: МАГ-77, 1963. – 1021 стр.
2. Википедия. Черная пятница. <https://ru.wikipedia.org/11.11.2018>.
3. Георгиева С.И. Русская фразеология в зеркале болгарского языка / науч. ред. Л.К. Байрамова. София: Херон Прес, 2011, 151 стр.
4. Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1984. Т. IV, 790 с.
5. Черен петък. www.aiko-bg.com, 21-25.11.2018 г.
6. Шулежкова С.Г. Не смещите мои подковы: Словарь крылатых выражений из мультфильмов. - Магнитогорск, Магнитогорский гос. технический университет им. Г.И. Носова, 2018. 179 стр.

Literary sources:

1. BTR: Balgarski talkoven rechnik. Sast. L. Andrejchin I dr. Sofia: MAG-77, 1963. – 1021 str.
2. Wikipediya. Chernaya pytnitza. <https://ru.wikipedia.org/11.11.2018>.
3. Georgieva S.I. Russkaya frazeologiya v zerkale bolgarskogo yazika/ nauch. Red. L.K.Bayramova. Sofia: Heron Press, 2011, 151 str.
4. Slovar` russkogo jazika v 4-eh tomah. Moskva: Russkij jazik, 1984. T. 4, 790 str.
5. Cheren petak. www.aiko-bg.com, 21-25.11.2018 g.

6. Shulezkova S.G. Ne smeshite moi podkovi: Slovar` krilatih virazenij iz multfilmov. - Magnitogorsk, Magnitogorskij gos. Tehniceskij universitet im. G.I. Nosova, 2018. 179 str.

Примечание

Работа выполнена в рамках научного проекта КП-06-РУСИЯ-11 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Робский Владимир Владимирович
преподаватель кафедры педагогики
и психологии
Кубанский государственный
университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: vladimir-robskij@yandex.ru

Robskij Vladimir Vladimirovich
teacher of pedagogy and psychology
Department
Kuban State University
Russia, Krasnodar
e-mail: vladimir-robskij@yandex.ru

В. В. Робский

ПСИХОЛОГИЯ НАКАЗАНИЯ РОДИОНА РАСКОЛЬНИКОВА

Аннотация. В данной статье затрагивается тема придания преподаванию литературы большего психологизма, так как именно психологическая составляющая поведения героев привлекает внимание юных читателей. При таком подходе актуализируется воспитывающая роль предмета и появляется реальная возможность достижения планируемых результатов образования.

Ключевые слова: потребности, иерархия потребностей, развитие потребностей.

V. V. Robskij

PSYCHOLOGY OF RODION RASKOLNIKOV'S PUNISHMENT

Abstract. In this article the theme of giving to the teaching of the literature of larger psychologism is affected, since precisely psychological the component of the behavior of heroes attracts attention of the young readers. The bringing up role of object is actualized with this approach and the real possibility of achieving the planned results of formation appears.

Keywords: need, hierarchy of demands, the development of needs.

В память о светлом человеке Юре Соловьеве

Среди современных планируемых результатов в школьных программах особым образом выделены личностные – они и стоят на

первом месте в образовательных стандартах и основных образовательных программах (в виде личностных универсальных учебных действий). Их можно условно сгруппировать в три основных блока: самоопределение, смыслообразование и нравственно-этическое оценивание.

Что есть «самоопределение»? Это означает, что мы должны сформировать у ребенка потребность задавать себе вопросы: кто я такой? откуда я? куда иду? с кем я? что для меня самое важное? – и уметь на эти вопросы искать ответы. Обратите внимание: не научить, не показать, не рассказать – а сформировать потребность в этих вопросах. И потребность я здесь определяю следующим образом: «хочется – хуже, чем болит». Вот это «хочется – хуже, чем болит» должно заставлять человека самоопределяться, искать себя в этом мире. Почему это так важно? Потому что самоопределившийся человек приобретает устойчивость, стержень – то, что мы называем характером. Если этого стержня нет, то все действия человека зависят исключительно от внешних влияний, а та информация, которую мы ему даем, рассыпается, как горка песка на ветру, она не структурируется, не выстраивается, не обогащает личность. Если же такой стержень есть, то на него-то все и накручивается, налипает, становится системным – личность является целостной саморегулируемой системой.

Что есть «смыслообразование»? Это означает, что мы должны сформировать у ребенка потребность («хочется – хуже, чем болит») задавать себе вопросы: зачем? зачем я живу? зачем я учусь? зачем я хожу в школу? зачем мне изучать этот предмет? – и уметь на эти вопросы искать ответы. Человек, который имеет ответы на эти вопросы, понимает смысл того, что он делает, он мотивирован. А мотивация является источником энергии, которая необходима для осуществления деятельности: если я понимаю, зачем это мне нужно, то возникающие на пути преграды преодолеваются, и я достигаю цели. Если же понимания смысла, происходящего у меня нет, то моя энергетика слаба, и возникающие преграды видятся непреодолимыми.

Что есть «нравственно-этическое оценивание»? Это означает, что мы должны сформировать у ребенка потребность («хочется –

хуже, чем болит») задавать себе вопросы: что такое хорошо? что такое плохо? как я оцениваю это событие, поступок? как я буду реагировать на происходящие события? – и уметь на эти вопросы искать ответы. Эти ответы задают систему координат, в которой человек различает добро и зло, выстраивает приоритеты, опирается в своих действиях на систему ценностей, определяющих наше отношение к происходящему. Нравственность является не только основой психического здоровья, но и основанием для самоопределения и смыслообразования.

Формирование этих самых важных для человека качеств связано с очень сложным процессом рефлексии – отражением в своем сознании не только внешнего мира, но и мира внутреннего (мыслей, чувств, состояний души), как своего собственного, так и других людей. Ни один школьный предмет не может сравниться по глубине развития рефлексивных способностей с литературой. В литературных произведениях человек находит описание всевозможных жизненных сценариев, и, читая книги, мы ищем ответы на вопросы о смысле бытия. Литература в школе – прежде всего философия и психология. К сожалению, ЕГЭЭизм свел все к литературоведению, лишив учителя и ученика смысла и мотивации при изучении предмета. Программы и учебники наполнены теорией, плохо связанной с жизненной практикой, исчезает глубокая работа с текстом. Практическая значимость литературы в массовой школе возможна только в сочетании с серьезной психологической составляющей.

Начнем с утверждения о том, что человеческие потребности безграничны и верхнего предела для них нет. Человек – существо ненасытное: нам сколько ни дай, все равно будет мало. Мало места, пищи, воды, денег, внимания, любви, воздуха, здоровья и т.д. Эту большую общечеловеческую проблему, которая порождает самые сложные конфликты, своеобразно представил Эрих Фромм: «Жажда наживы ведет к бесконечной классовой борьбе. Утверждение коммунистов, что с уничтожением классов их система освобождается от классовой борьбы, – это фикция, ибо система также строится на принципе полного удовлетворения растущих потребностей. И пока каждый хочет иметь больше, неизбежно будут возникать классы,

будет продолжаться классовая борьба, а в глобальном масштабе – мировые войны. *Жажда обладания и мирная жизнь исключают друг друга*» [1, с. 11]. Согласно Фромму решение данной проблемы кроется в работе человека со своим внутренним миром, осмыслением потребностей, а не в простом насыщении всевозможными благами.

Каждый из нас бывал в ситуации, когда достигал какой-либо цели, удовлетворял определенную потребность, и, казалось бы, все – вот оно, счастье. Увы! Проходило несколько дней, и мы осознавали, что это не предел, что там, дальше, есть что-то еще более интересное и привлекательное. А если потребность не удовлетворена? Что происходит с человеком? Он начинает болеть – неудовлетворенная долгое время потребность всегда ведет к болезненному состоянию; потребность – это «хочется хуже, чем болит». Вот и герой Достоевского Родион Раскольников – болен: внешний вид и поступки его *болезненны*. Мы видим сложное психическое состояние героя, в котором он пребывает уже долгое время, и это начинает отражаться на его физическом здоровье. Отчего тревога? Мы узнаем, что он беден и задолжал хозяйке, но, кажется, не это есть главная причина его нездорового состояния.

*Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту **обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела** (подчеркнуто мной – Р.), все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, – нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.*

Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.

*«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой. – Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу проносит, единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся... А впрочем, я слишком много болтаю (подчеркнуто мной – Р.). Пожалуй, впрочем, и так: **оттого болтаю, что ничего не делаю** (подчеркнуто мной – Р.)».*

Не от бедности страдает Родион Романович, а от бездействия. Он чувствует в себе силы, которым тесно в той обстановке, в которой он живет: он *хочет* создавать, творить, а действительность ограничивает его возможности. У него есть потребность действовать – но эта потребность не удовлетворена. Он хочет признания людского – но не может его добиться, хотя многие окружающие люди искренне его любят. Казалось бы, каков повод мучиться весьма способному молодому человеку: учись прилежно, получай работу и доказывай другим и себе, как ты хорош, умен и способен управлять другими людьми – их поведением, мыслями и чувствами. Однако нашему герою такой путь представляется бесперспективным и скучным, обыденным («вздор про всю эту обыденную дребедень»), ему жалко марать свои высокие идеи об эту серую жизнь, ему нужны яркость, динамичность, восторг окружающих. Мало ему любви окружающих, ему хочется почитания, хочется власти. Откуда это у молодого человека? Есть ли объяснение тому, как зарождаются и осуществляются человеческие желания?

В прошлом веке Абрахам Маслоу создал теорию об иерархии человеческих потребностей, согласно которой наши потребности выстраиваются в определенной последовательности, образуя своеобразную, лестницу или пирамиду.

В основании пирамиды лежат так называемые базовые потребности: физиологические и самосохранения (первые две ступени). Они называются базовыми так потому, что человек, не только социальное, но и биологическое существо, он не может *существовать*, не удовлетворяя их. Если он не будет питаться – умрет, не будет обеспечивать свою безопасность – погибнет.

Иерархия потребностей А. Маслоу

Рис. 1

Далее идут потребности более высокого порядка: мы не только биологические, но и социальные существа – поэтому нам свойственно стремление принадлежать к какой-либо группе людей, где нас любят, понимают, поддерживают, равно как и мы можем любить, сотрудничать с другими. Часто это выражается следующими высказываниями, которые произносятся с гордостью: «Я – гражданин России», «Я – работаю в такой-то компании» и т.п. На этом уровне все люди хотят быть *любимыми, защищенными*, но не все могут быть *любящими, причастными*. Очень яркой иллюстрацией потребности в принадлежности являются строки из стихотворения В.В. Маяковского: «Читайте, завидуйте: Я – гражданин Советского Союза!» - и мурашки по коже... Это как раз та ступенька потребностей, об которую, как мы выясним позже, и споткнулся наш герой.

Но человеку часто мало просто принадлежать к какой-либо группе – он желает, чтобы его слушались, уважали, он хочет управлять этой группой, доминировать в ней. Это еще более высокий

тип потребности: в статусе, в признании. Именно на этом этаже «завис» (в терминологии 20 века – «застрял») Раскольников.

И, наконец, высшая потребность – это потребность в самоактуализации, самовыражении, в творчестве, когда проявляется желание выразить и воплотить во внешнем мире свой внутренний мир.

И если потребность определенного порядка возникает, то ее необходимо (!) удовлетворить, в противном случае неудовлетворенная потребность превращается в болезнь (не только психического, но и физического характера). Вот жена Мармеладова, имеющая потребность в уважении:

Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная. Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит (подчеркнуто мной – Р.). Оттого и господину Лебезятникову грубость его не захотела спустить, и когда прибил ее за то господин Лебезятников, то не столько от побоев, сколько от чувства в постель слегла (подчеркнуто мной – Р.).

От чувств, вызванных грубым поправлением того, что этой женщине было привито воспитанием, в чем была ее потребность – не от побоев – случилась болезнь. Если человек не может удовлетворить долгое время какую-либо потребность, то он начинает в буквальном смысле болеть: страдает не только его психика, но и тело. Кто-то лучше скрывает такую «болезнь», кто-то хуже, но это действительно болезнь.

И, чтобы не сойти с ума, избавиться от страданий неудовлетворенности, человек зачастую делает шаг, который спасает его: он снижает уровень притязаний, опускается на уровень более низких потребностей и начинает их усиленно (чрезмерно) удовлетворять. Получается, как бы замена: вместо недостижимого удовольствия я получу достижимое, но много!

Вот Петр Петрович Лужин, на первый взгляд, человек абсолютно здоровый, «застревает» на ступени «принадлежности» (причастности к высшему свету, который на самом деле его не принимает) и пытается успокоить неудовлетворенную потребность и ущемленное самолюбие через эрзац-удовольствия, заменяющие истинное удовлетворение. Каково утонченному студенту, тоже

стремящемуся к признанию, видеть перед собой такое «зеркало», и герой романа ненавидит его не только за отвратные качества – Раскольников невольно узнает в нем себя и своего кумира Наполеона!

Петр Петрович, пробившись из ничтожества (подчеркнуто мной – Р.), болезненно привык любоваться собою, высоко ценил свой ум и способности и даже иногда, наедине, любовался своим лицом в зеркале. Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его совсем, что было выше его (подчеркнуто мной – Р.).

Лужин чувствует, что, хоть и «пробился из ничтожества», это самое ничтожество никуда не делось, оно с ним, в нем – и осознавать этого не хочется. А поскольку он к тому же не умеет любить (нет у него человеческой потребности в любви), то и пределы его поступкам находятся за гранью морали. Стремление не обремененного любовью ничтожества к признанию приобретает уродливые, по сути преступные, болезненные формы.

Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благонравной и бедной (непреренно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приниженной, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному (подчеркнуто мной – Р.).

Так же болен и Раскольников: он буквально сходит с ума от того, что, шаг-то сделал (пошел на преступление), но этот шаг не привел его к удовлетворению потребности в признании – не получилось из него Наполеона. Поэтому и нажива как цель преступления вовсе не рассматривается:

– А те деньги я, впрочем, даже и не знаю, были ли там и деньги-то, прибавил он тихо и как бы в раздумье, – я снял у ней тогда кошелек с шеи, замшевый... полный, тугой такой кошелек... да я не посмотрел в него; не успел, должно быть... Ну а вещи, какие-то все запонки да цепочки, – я все эти вещи и кошелек на чужом одном дворе, на В-м проспекте под камень схоронил, на другое же утро... Все там и теперь лежит.

Соня из всех сил слушала.

– Ну, так зачем же... как же вы сказали: чтоб ограбить, а сами ничего не взяли? – быстро спросила она, хватаясь за соломинку.

– Не знаю... я еще не решил – возьму или не возьму эти деньги...

Какая потребность побудила нашего героя на преступление? Получается, что не нужда заставила, в противном случае не было бы такого безразличия к «добытому». Обратимся за объяснением (одним из возможных объяснений) к модели иерархии потребностей.

Конфигурация пирамиды потребностей может быть разной, в зависимости от характера человека, его жизненных интересов и устремлений.

Рис.2

Первый вид – обычная пирамида, в которой базовые потребности основательные, а более высокие не так ярко выражены. Этим людям свойственно хорошо покушать, удовлетворить в первую очередь свои материальные и физиологические нужды. Такой тип людей называют «западник» или «гедонист».

Второй вид представляет собой пирамиду, перевернутую вершиной вниз. У таких людей базовые потребности очень скромные: чашечка кофе, три часа сна в сутки – и вот он уже готов рваться туда, ввысь, к своим огромным высшим потребностям: властвовать и творить. Подобных людей называют «мудрецами» или «идеалистами». Если говорить о Раскольникове, то он, скорее всего, относится именно к этому типу людей, потому что его мало волнует «хлеб насущный» – герой Достоевского весь устремлен ввысь, к

идеям. Вспомним, насколько он неприхотлив в быту, как мало он потребляет пищи, которую и не стремится специально искать, потому что он больше живет в мире идей, нежели в мире вещей.

Третий вид – это вообще не пирамида, а ромб: невеликие потребности базовые, невеликие потребности высшие, зато раздута потребность в принадлежности, *в причастности*. Эти люди постоянно находятся в каком-то общении, уединение для них болезненно, они готовы работать день и ночь не за идею или кусок хлеба, а просто ради того, чтобы удовлетворять свою главную потребность быть среди других. Такой тип людей называют «ремесленник», «трудоголик».

Конечно, это деление на типы весьма условно, и было бы неправильно однозначно интерпретировать поведение человека, опираясь только на теорию Маслоу. Как и любая теория или модель, она имеет ограничения. Но мы используем теории и модели для того, чтобы иметь возможность описать мир, выразить его словами, благодаря чему, ловим неожиданный ракурс поведения окружающих людей или героев литературных произведений, замечаем и истолковываем, то, что не всегда видно простым взором, не вооруженным «специальными очками» теории.

Так вот, согласно такой модели, разработанной Маслоу и его последователями, между потребностями разного уровня существует зависимость, которую можно выразить через следующую формулу.

Если потребность более низкого порядка не удовлетворена, то это затрудняет, а иногда полностью блокирует возникновение потребности более высокого порядка. Так, например, если человеку грозит голодная смерть (не удовлетворена базовая, физиологическая потребность), то потребность в безопасности, как и все другие высшие потребности для него не актуальны, и он с риском для жизни идет добывать себе пищу (охотиться на пещерного медведя). Это относится и к «идеалистам», у которых минимальные физиологические потребности: лишите их этого минимума, и они тут же утратят способность рваться к высшим потребностям. Человек может терпеть и сохранять достоинство до определенного предела: как только этот предел наступил, то либо поведение меняется (человек сдается), либо прекращается физическое существование (человек умирает). Физическое тело есть инструмент проявления души (во всяком случае, на данном этапе развития человечества), и

когда этот инструмент полностью приходит в негодность, то исчезает и способность выражать себя в этом мире.

Вот как объясняет Мармеладов во время первой встречи с Раскольниковым свое падение:

– Милостивый государь, – начал он почти с торжественностью, – бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорбить себя.

«В бедности вы еще сохраняете...» – это означает, что еще предел недостигнут, базовые потребности как-то более или менее регулярно удовлетворяются, поэтому душа человеческая еще ощущается самим человеком и окружающими его. Но нищета – это уже страдание от неудовлетворенных физиологических потребностей (пусть даже самых минимальных!), и от этого нет движения дальше, нет интереса к жизни, душа умирает, и от человека остается только его животная часть, на удовлетворение которой уходят все силы. И Мармеладов горько констатирует: «И отсюда питейное!» (поэтому он пьет, много, по-скотски, убивая остатки иногда шевелящейся души). Нищета страшна тем, что лишает человека высших, человеческих, потребностей.

А почему Раскольников, будучи безусловно способнее и талантливее окружающих его людей, не может сопротивляться невзгодам так, как это делает, например, Разумихин? Почему Разумихин сильнее, почему он настроен позитивно к жизни и стойчески переносит лишения, неуклонно двигаясь вперед? Почему Соня сильнее? Потому что они могут (хотят и умеют) любить, удовлетворение потребности в любви делает их сильными. Личность же Раскольникова ослаблена не только отсутствием у него на данный момент потребности в любви, но и тем, что, как до преступления, так и после него, его мучает чувство страха. Это чувство рождено опять-таки неудовлетворенной потребностью – в безопасности. Причем, если обратиться к теории Маслоу, то это потребность низкого порядка – животного. И этот животный, труднообъяснимый и не поддающийся управлению страх блокирует развитие других

потребностей, не позволяет главному герою найти выход, и Раскольников, бессознательно понимает это, но его сознание не хочет признавать и видеть всю мерзкую унижительность ситуации: высокие идеи и мечты перечеркнуты «смешной» старушонкой и собственным животным страхом. Сознание пытается уйти от реальности, забыться, чтобы скрыть этот позор, но бессознательное постоянно прорывается.

Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; в другой раз – что все тот же день идет. Но об том, – об том он совершенно забыл; зато ежеминутно помнил, что об чем-то забыл, чего нельзя забывать – терзался, мучился, припоминая, стонал, впадал в бешенство или в ужасный невыносимый страх (подчеркнуто мной – Р.). Тогда он порывался с места, хотел бежать, но всегда кто-нибудь его останавливал силой, и он опять впадал в бессилие и беспомощность.

Авторитетные психологи так объясняют эту болезнь: «И в самом деле, индивид, потерпевший полную неудачу в попытках приобщиться хоть к чему-нибудь, похож на заключенного в тюрьме, даже не находясь за решеткой, – психически нездоров. Необходимость единения с другими живыми существами, приобщенности к ним является настоящей потребностью, от удовлетворения которой зависит психическое здоровье человека. Эта потребность кроется за всеми явлениями, составляющими целую гамму человеческих страстей и близких отношений, которые называют любовью в самом широком смысле слова» [2, с. 15].

Так, может быть, Раскольников, отвергает *обыденность* напрасно? Будь у него достаток и сытость, возможно, и не родились бы эти чудовищные мысли? Это хорошие вопросы для обсуждения. Раз он не может, последовательно удовлетворяя свои потребности, двигаться вверх, то жажда власти толкает его к прыжку через несколько ступенек, среди которых есть и самая главная ступенька – это потребность в любви. Нельзя сказать, что Родион не любит мать и сестру, у него вообще величайшая способность к состраданию – и мы видим это многократно (заступничество за пьяную девочку, участие в судьбе семьи Мармеладовых). Но в бедности и неустроенности жизни трудно любить: человек, сам себя еще не обустроивший, не познавший радости любви как чисто человеческого состояния, не способен увидеть человеческие «ограничители», и потому руководствуется принципами животными:

прав тот, кто победил. Отсюда и моральное оправдание Наполеона, оправдание права сильного. Но оправдывая Наполеона, Раскольников сам, пока еще неосознанно, понимает, что готовность пойти на преступление связана с отсутствием у человека этих самых ограничителей.

– *Штука в том: я задал себе один такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился бы оттого, что это уж слишком не монументально и... грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом «вопросе» я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!.. Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета...*

«Задумчивость» Раскольникова, сомнения вызваны неосознаваемой им потребностью в любви, но он еще не готов осознать это, хотя все время ощущает наличие некоего пропуска в логике своей теории. Примеру-то авторитета последовал, но результат оказался не тот, потому что *главный вопрос не в том, ЧТО Наполеон сделал, а ПОЧЕМУ Наполеон такой?* А он такой потому, что у него нет человеческого ограничителя: жертвы человеческие для него не страшны, потому что он никого не любит – жажда власти и признания настолько сильна, что делает его неуязвимым для человеческого, очень человеческого – для совести и любви. А вот у Раскольникова такой ограничитель есть, но сначала он как бы стесняется любви и пытается заменить ее волнующее и непредсказуемое влияние, объясняет свою «слабость» (убить-то убил, а перешагнуть не смог) категориями философскими: «Боязнь эстетики есть первый признак бессилия!..» (старушонка, видите ли, не эстетична, потому и мучает неудовлетворенность!). Однако покрова «эстетики» явно недостаточно для понимания мотивов своих

поступков. И не признаваемая потребность все равно прорывается и дает о себе знать:

«Я зол, я это вижу, - думал он про себя, устыдясь чрез минуту своего досадливого жеста рукой Дуне. – Но зачем же они сами меня так любят, если я не стою того! О, если б я был один и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! Не было бы всего этого!».

Наш герой попытался удовлетворить потребность в признании, не удовлетворив сначала потребность в любви (в принадлежности). И вывод напрашивается у Достоевского сам собой: кто не познал любовь – тот потенциальный преступник (сознательный или бессознательный – неважно). А если человек познал любовь, то за преступление себя наказывает прежде всего он сам. И тогда формула «All you need is love!» объясняет многое в нашей жизни, а также искусстве всех времен и народов.

Любовь есть серьезное препятствие для замыслившего преступление:

– Ну а действительно-то гениальные, – нахмурясь, спросил Разумихин, – вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?»

– Зачем тут слово: должны? Тут нет ни позволения, ни запрещения. Пусть страдает, если жаль жертву... Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, – прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора.

Преступление Раскольникова в том, что он жаждет не любви человеческой, а почитания людского, отвергая любовь, ставя ее на второе место: «вот стану великим, тогда облагодетельствую всех своей великой любовью». И наказание накладывается еще до преступления: не за преступление, не за мысли преступные, а за пропущенную «ступеньку любви» в личностном развитии.

В конечном счете, то, отчего бежал главный герой, приносит ему облегчение в виде осознания смысла своего существования – среди людей. Уже на каторге это все чаще прорывается резкими уколами:

...проснувшись, он нечаянно подошел к окну и вдруг увидел вдали, у госпитальных ворот, Соню. Она стояла и как бы чего-то

ждала. *Что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце: он вздрогнул и поскорее отошел от окна.*

Но в конечном счете потребность в любви полностью покрывает его:

Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута...

Раскольников вернулся к людям, *позволил своей душе объединяться с другими душами.* В самом конце романа Достоевский описывает мысли своего героя, нашедшего под подушкой Евангелие, которое принесла Соня и которое он до сих пор не раскрывал.

Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...»

Таким образом произошло осознание своей *человеческой потребности в принадлежности, в причастности, в любви.*

«Существует только одно чувство, удовлетворяющее человеческую потребность в единении с миром и вместе с тем дающее ему ощущение целостности и индивидуальности, – любовь. Любовь – это объединение с кем-либо или чем-либо вне самого себя *при условии сохранения обособленности и целостности своего собственного Я* (курсив мой – Р.). Это переживание причастности и общности, позволяющее человеку полностью развернуть свою внутреннюю активность. Переживание любви делает ненужными иллюзии. Отпадает потребность преувеличивать значение другого человека или свою собственную значимость, поскольку подлинная сущность активной причастности и любви позволяет преодолеть ограниченность своего индивидуального существования и в то же время ощутить себя носителем активных сил, которые и составляют акт любви. Главным при этом является особое свойство любви, а не ее объект. Любовь заключается в переживании человеческой солидарности с нашими ближними, она находит выражение в эротической любви мужчины и женщины, в любви матери к ребенку, а также в любви к самому себе как человеческому существу, она

состоит в мистическом переживании единения. В акте любви Я един со Всем, но остаюсь при этом самым собой – неповторимым, отдельным, ограниченным, смертным человеческим существом. Именно это единство полярных противоположностей – отдельности и единения – является источником, дающим жизнь любви и возрождающим ее» [2, с. 16].

Итак, логика Раскольникова в начале романа строится на приоритете удовлетворения потребности в признании в ущерб способности любить. Это приводит героя к созданию теории, с помощью которой он попытался оправдать свои и чужие сомнительные деяния. Теория Раскольникова основана на игнорировании любви и совести, мешающих сильному человеку «поступать свободно», потому что любовь и совесть «ослабляют», делают его «обычным», которому «не все позволено». Подобные теории часто и густо возникали в 19 веке, как до публикации романа, так и после – их создатели искали ответы на вопросы, поставленные эпохой бурного проникновения человека в тайны природы, эпохой крушения и низвержения идеалов.

Рассмотрим одну из таких теорий в следующей статье.

Библиографический список

1. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм – «АСТ», 1976.
2. Фромм Э. Здоровое общество. М.: Издательство АСТ, Астрель, 2011.

Literary sources:

1. Fromm E. Imet ili byt? / E. Fromm - «AST», 1976g.
2. Fromm E. Zdorovoe obshtestvo. M.: Izdatelstvo AST, Astrel', 2011.

Филиппов Павел Стоилкович
доктор, ассистент
Юго-Западный университет им.
Неофита Рильского
Болгария, Благоевград
email: p_filip@abv.bg

Filipov Pavel Stiolkovich
Phd, assistant
South-West university Neofit Rilski
Bulgaria, Blagoevgrad
email: p_filip@abv.bg

П. С. Филиппов

ЛИЦО ВОЙНЫ В РАССКАЗЕ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО „НАБЕГ”

Аннотация: В фокусе внимания автора статьи находится образ героя военного рассказа «Набег» Льва Николаевича Толстого. Основа исследования – события, происходящие с героями, попавшими в вихри войны. На фоне анализа конкретного произведения интерес для автора представляет поведение героя до сражения, во время сражения и после него; в частности, изменила ли война тех, кто в нее участвует, каковы отношения отдельных персонажей в ходе драматического события, которое подвергает тяжелому испытанию идеи, ценности и представления человека.

Ключевые слова: набег, война, солдат, страх, гордость.

P. S. Filipov

THE FACE OF WAR IN THE STORY OF LEV NIKOLAEVICH TOLSTOY "ATTACK"

Abstract: The article focuses on the image of the hero in Leo Tolstoy's military short story *The Raid* (1852). The main point of interest is what happens to the characters immersed in the whirlwind of the war. Against the background of the analysis of the particular literary work, what is studied is the behavior of the hero before, during, and after a battle; whether the war succeeds in changing the participants in it; what the relationships of the individual characters are against the background of this remarkable event that puts many ideas, values and human concepts to the test.

Keywords: raid, war, soldier, fear, pride

Рассказ Толстого «Набег» начинается с того, что является частым мотивом многих произведений Толстого. Его герои часто либо уезжают [«Кзаки», «Рубка леса»], либо прибывают куда-то [«Хаджи Мурат», «Севастополь в августе», «Севастополь в декабре»]. Таким образом, сама структура создает ощущение четко сформированного композиционного начала. На самом деле, этот прием придумал не Толстой – ранее многие авторы использовали его. [вспомним начало «Евгения Онегина» Пушкина].

В самом начале повествования рассказа «Набе» Толстой представляет нам капитана Хлопова, который говорит, что их батальон завтра отправляется в N; офицер знает, что не стоит об этом думать: отъезд впереди.

Что думать? я вам говорю, что знаю. Прискакал вчера ночью татарин от генерала – привез приказ, чтобы батальону выступить и взять с собою на два дня сухарей; а куда, зачем, надолго ли? – этого, батюшка, не спрашивают: велено идти и – довольно [Толстой 1960: 21].

Читателю сразу становится ясно, что герои рассказа находятся на войне, в боевой обстановке, где приказы не обсуждаются, а просто выполняются. Мы введены непосредственно в ситуацию войны, в которой нет времени на лишние разговоры. Капитан Хлопов, как мы убедимся позже, является опытным бойцом и знает, что вопросы излишни, даже представляют ненужное бремя. Все просто, ты – солдат; куда тебе прикажут, туда и отправишься – в N или куда-то еще. Зачем лишнее? Когда прибудешь – узнаешь, будет новый приказ. Опыт научил Хлопова, что правда, хотя и не сразу, дойдет до него.

Капитан, подобно Кутузову, излучает спокойствие и равнодушие, завоевывая этим уважение солдат. Описание, которое Толстой дает внешнему виду Хлопова, внушает уважение:

На нем были старый, истертый сюртук без эполет, лезгинские широкие штаны, белая папашка с опустившимся пожелтевшим курпеем и незавидная азиатская шапка через плечо [Толстой 1960:25].

Автор знакомит нас с судьбой капитана Хлопова. Он служит в армии уже восемнадцать лет. Хлопов попал в „капкан“ военной

должности и служит, потому что должен и потому что для него война и звание в армии – это способ пропитания „а двойная зарплата для такого, как я, бедного человека, много значит“ [Толстой 1960: 25].

В «Набеге», кроме капитана Хлопова, есть и другие военные – двое молодых офицеров – прапорщик Аланин и поручик Розенкранц. Аланин уже с месяц в роте капитана Хлопова и, как каждый молодой человек, нетерпелив и горяч, желает проявить себя. Его поведение резко контрастирует со спокойствием, которое проявляет капитан Хлопов. Прапорщику предстоит впервые вступить в бой, для него это что-то новое, что-то неизвестное. О сражениях до сих пор он слышал лишь рассказы, возможно приукрашенные, о блестящих победах, трагических потерях, проявленной храбрости и героической кончине. Для Аланина война – это нечто волнующее. Для Хлопова очередное сражение – не повод для радости, наоборот, этому трезвомыслящему офицеру понятно, что будет происходить:

Нас вот, положим, теперь двадцать человек офицеров идет: кому-нибудь да убитым или раненым быть – уж это верно. Нынче мне, завтра ему, а послезавтра третьему: так чему же радоваться-то? [Толстой 1960: 2].

Хлопов, по-видимому, разделяет идею рассказчика о том, что молодость заставляет Аланина быть таким нетерпеливым. На примере двух героев мы видим контраст между молодым и буйным прапорщиком и опытным, степенным капитаном; два офицера военного времени, с совершенно разным поведением и мышлением.

Когда писатель знакомит нас с другим своим персонажем, а именно поручиком Розенкранцем, он использует иной подход. Толстой очень подробно описывает персонаж, не называя его имени, будто цель состоит в том, чтобы создать мнение о герое только по его внешнему виду. Его имя упомянуто в конце описания (следует отметить это, так как Толстой столь подробно описывает многих своих персонажей). Таким образом, в данном случае имя входит в определенный контраст с „татарским“ видом героя.

Сажан сто впереди пехоты, на большом белом коне, с конными татарами, ехал известный в полку за отчаянного храбреца и такого человека, который хоть кому правду в глаза отрежет, высокий и красивый офицер в азиатской одежде. На нем были черный бешимет

с галунами, такие же ноговицы, новые, плотно обтягивающие ногу чувяки с чиразами, желтая черкеска и высокая, заломленная назад папаха. На груди и спине его лежали серебряные галуны, на которых надеты были натруска и пистолет за спиной; другой пистолет и кинжал в серебряной оправе висели на поясе. Сверх всего этого была опоясана шашка в красных сафьянных ножнах с галунами и надета через плечо винтовка в черном чехле. По его одежде, посадке, манере держаться и вообще по всем движениям заметно было, что он старается быть похожим на татарина. [Толстой 1960: 28].

Известно, что имена литературных персонажей, даже когда автор не заостряет на них особого внимания, редко бывают подобраны случайно. Розенкранц – это имя одного из персонажей пьесы Шекспира «Гамлет», друга детства Гамлета, на которого королем возложена обязанность следить за Гамлетом под предлогом заботы о его здоровье. Эта двойственность также отражается на герое Толстого. Есть какое-то позерство в его поведении.

Розенкранц – романтический герой, как и Володя Козельцев до прибытия в Севастополь, или как Андрей Болконский перед битвой под Аустерлицем. Розенкранц джигитует на лошади и демонстрирует поведение сурового вояки; на самом же деле, от его любовницы черкешенки, из его поступков (история о ранении им чеченца в ногу, после которого Розенкранц лечил у себя горца семь недель), мы узнаем, что это просто поза, которую занял герой, потому что он читал Лермонтова и Бестужева-Марлинского, и считал себя героем своего времени.

Вне рамок позерства все остальные офицеры и солдаты, которые ведут себя гораздо проще, не проявляют никаких признаков беспокойства, свыкнувшись, вероятно, с мыслью о том, что они на фронте и не могут изменить этот факт. Именно так ведет себя перед боем генерал – повстречав графиню, он обещает завтра навестить ее. Он, кажется, отказывается думать о войне, о том, что его могут убить. Хотя ему, как и Хлопову, известно, что жертвы неизбежны.

Совершенно другое отношение к предстоящей битве у молодого поручика К. Полка. Он застенчив и робок, но, когда узнает, что его не включили в предстоящий поход, он огорчается и протестует перед адъютантом.

В сущности, в рамках короткого повествования Толстого представлено множество персонажей. Многообразие индивидуальности персонажей обуславливает их различное поведение и различный образ мышления. Молодые начеку и нетерпеливы, опытные – спокойны и естественны, но их объединяет отсутствие страха, перед боем вообще не появляется слово «страх».

Однако страх присутствует всегда, когда речь идет о войне; явный или нет, он него нельзя избавиться. Страх присутствует – когда русские, под огнем неприятеля, начинают отход, капитан Хлопов и некоторые из опытных солдат начинают креститься. А когда убивают Аланина, старый солдат говорит, что нельзя не бояться, умный боится, а глупый – нет: *«Глуп еще – вот и заплатился»* [Толстой 1960: 47].

То, что война для Толстого глупа и бессмысленна, мы понимаем в картине набега, в которой автор описывает удовольствие и восхищение зрелищем генерала и майора *Quel charmant coup d'oeil!* – *говорит генерал, слегка припрыгивая по-английски на своей вороной тонконогой лошадке.* [Толстой 1960:41]. Но это звучит слегка иронично и напыщенно: французская речь, припрыгивание по-английски, вороная тонконогая лошадка как бы указывают на нерусскость, ненатуральность ситуации. Для сравнения можно привести в качестве примера рассказ болгарского писателя Йордана Йовкова «Белый эскадрон». Война рассматривается как великолепиие и экстаз, как вдохновение и блеск:

Чу се висока и напевна команда. Ескадронът трепна и се раздвижи с тежък и смесен шум: тежко заудряха копитата, заскрипя сбруята, прозвънтяха саблите, нетърпеливо пръхтяха конете. Взводовете като че ли се движеха разбъркано и всеки за себе си, но скоро целият ескадрон излезе на открито, развърнат в една дълга бяла линия. Движеха се сега тръс. Но ето офицерите се обръщат, един бърз и кратък поглед назад, но колко незабравимо е това изражение на лицата! Изтеглените сабли блясват във въздуха, ескадронът се разтегна повече, конете препускат още въздържано и тежко, но изведнъж леко и плавно се понасят в галоп. Издигнаха се гъсти облаци от прах. Стремителна и бясна вихрушка се носеше по полето, коне и хора се виждаха като силуети в мъгла, извиваха се

и блещяха сребърните змии на саблите и над страховития и ритмичен тропот, от който кънтеше земята, се раздаде ура – гневно, заканително и страшно ура [Йовков 1982:84].

Красота зрелища у Толстого, однако, затмевается идеей о бессмысленности. Для рассказчика, который является сторонним наблюдателем, важнее другое: «Невольно приходило сравнение человека, который сплеча топором рубил бы воздух» [Толстой 1960: 42].

Бессмысленна и глупа смерть Аланина, который в погоне за противником устремился в лес и погиб из-за того, что пренебрег приказом и советом капитана Хлопова не наступать и не преследовать горцев. Сам Хлопов ведет себя спокойно и естественно даже в этой ситуации:

Он был точно таким же, каким я всегда видал его: те же спокойные движения, тот же ровный голос, то же выражение бесхитростности на его некрасивом, но простом лице; только по более, чем обыкновенно, светлому взгляду можно было заметить в нем внимание человека, спокойно занятого своим делом. [Толстой 1960: 46].

Если в начале повествования автор своим описанием обращает внимание читателя на внешний вид Хлопова, то в конце рассказа он дает характеристику качествам капитана: уравновешенность, спокойствие, сдержанная уверенность, прозрение, указывая на то, что для персонажа, как и для рассказчика, мужество – это не бравада и напускная смелость. Как и Андрей Болконский, Хлопов понял, что настоящий героизм – не в показухе или навязчивости. К подобным выводам приводит и сравнение Наполеона с генералом Кутузовым в эпическом произведении Толстого «Война и мир».

Библиографический список

1. Бичков С.П. Л. Н. Толстой очерк за творчеството му // Народна култура. – 1958 – С. 31-41.
2. Йовков, Й. Те победиха // Военно издателство. – 1982 – С. 84.
3. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. // Народна култура. - 1963.
4. Толстой, Л. Н. Повести и разкази. // Народна култура. – 1960 – С. 21-47.

5. Троев. Руска литературна класика. Профили и творби. София, Тилиа, 1998.
6. Шекспир, У. Хамлет. София, ПАН, 2005.
7. Шкловски, В. Б. Лев Толстой .// Народна култура. – 1971 – С. 116 -120.

Literary sources:

1. Bichkov S.P. L. N. Tolstoi ocherk za tvorchestvoto mu // Narodna kultura. – 1958 – S. 31-41.
2. Iovkov, I. Te pobedikha // Voenno izdatelstvo. – 1982 – S. 84.
3. Pushkin, A. S. Evgenii Onegin. //Nardna kultura. - 1963.
4. Tolstoi, L. N. Povesti i razkazi. // Narodna kultura. – 1960 – S. 21-47.
5. Troev. Ruska literaturna klasika. Profili i tvorbi. Sofiya, Tilia, 1998.
6. Shekspir, U. Khamlet. Sofiya, PAN, 2005.
7. Shklovski, V. B. Lev Tolstoi // Narodna kultura. – 1971 – S. 116 - 120.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Войславова Силвия Симеонова
докторант
ФГБОУ ВО „Государственный
институт русского языка им. А.С.
Пушкина”
Россия, Москва
e-mail: s.voislavova@abv.bg

Voyslavova Silvia Simeonova
Postgraduate student
Pushkin State Russian Language
Institute
Russia, Moscow
e-mail: s.vislavova@abv.bg

С. С. Войславова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «МИР КАЖИМОСТИ»: РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ

Аннотация: В статье исследуется концептуальное поле «мир кажимости», описывается каким образом определяется «мир кажимости», очерчиваются его границы. Материал для сопоставления получен на основе выборки из одноязычных и двуязычных русских и болгарских словарей.

Ключевые слова: лингвокультурология; “кажимость”; русский язык, болгарский язык; сопоставление.

S.S.Voyslavova

CONCEPTUAL FIELD WORLD OF SEEMINGNESS – RUSSIAN AND BULGARIAN LINGUOCULTURES IN COMPARISON

Abstract: The article explores the conceptual field “seemingness”, describes how the “seemingness” is modeled, outlines its boundaries. The material was obtained of monolingual and bilingual Russian and Bulgarian dictionaries.

Key words: linguoculturology; seemingness; Russian; Bulgarian; comparison

Изучение результатов взаимодействия генетически
родственных языков, особенно актуально для современного

языкознания. Анализируя близкородственные языки, следует обратить внимание на интерференцию, возникающую между ними.

У каждого языка свои способы концептуализации реальности, которые отчасти универсальны, отчасти национально специфичны, так что носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своего языка. Детальное сопоставление лексических групп близкородственных языков в формальном и содержательном плане дает конкретный материал, необходимый для установления сущности и границ их близости в области лексики и приближает к решению некоторых теоретических и практических задач сопоставительного описания лексики близкородственных языков.

Сопоставительные работы представляют большой интерес для целей межкультурной коммуникации. Именно при сопоставлении двух языков выявляются те «белые пятна» на семантической карте языка, которые незаметны при наблюдении изнутри, в рамках одного языка. Близость русского и болгарского языков не подлежат сомнению, а, в частности, проявляется в наличии формально сходных лексических единиц. Для родственных языков описание и анализ межъязыковых лексических соответствий являются определяющими, так как позволяют уточнить меру и степень этой близости. Выбор формально совпадающих слов в качестве объекта сравнения может выяснить как соотносятся эти слова в формальном и содержательном плане.

И. Червенкова отмечает, что в отличие от неродственных языков, где формальное сходство в силу отсутствия родства слов, видимо относительно редко встречается, то для русского и болгарского языков формальное сходство характерно и оно охватывает большую часть лексики [8, с.155]. Особую трудность для исследования представляют те случаи, в которых несходство настолько невелико, что без тщательного анализа языковых фактов может остаться незамеченным и находит проявление в интерференции. [9, с.117-119; 4, с.178-184]

Близкое родство между русским и болгарским языками предопределяют наличие большого количество генетически тождественных слов, которые облегчают процесс восприятия другой культуры. Русская и болгарская лексика содержат очень много

генетически тождественных слов, сохраняющих и в наше время большее или меньшее формальное и смысловое сходство. [8, с.157]

Различия могут относиться к сфере применения языковых единиц, к коннотациям, закрепляющим культурные стереотипы, к экспрессивным оттенкам, могут иметь отношение к носителям языка.

Культурный компонент наиболее ярко проявляется при сопоставлении национальных культур, при изучении неродного языка, при углублении в чужой культуре. Иностраный язык изучается сквозь призму этнической культуры, народного менталитета, лингвистических моделей картины мира.

Интенсификация сопоставительных исследований – один из характерных признаков развития языковедческой науки в последнее время. Этот интерес, в частности, вызван стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков.

Описание языковых значений связано с понятием «наивной картины мира» (или с наивным языковым сознанием). Эта идея ведет свое начало от Гумбольдта (утверждение о наличии «внутренней формы» языка), связана с рассуждениями Л. В. Щербы о «научных» и «обывательских» понятиях. Идея наивной картины мира состоит в том, что в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, который навязывается в качестве обязательного всем носителям языка. Она состоит из наивной геометрии, наивной физики пространства и времени, наивной психологии и др. Каждый язык описывает свою картину, изображающую действительность, несколько иначе, чем это делают другие языки. Языковая картина мира является «наивной», во многих отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. «Наивность» связана с отражением бытового восприятия вещей в противоположность научному их объяснению и пониманию. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. [1, с.349-352]. Одна из быстроразвивающихся современных наук лингвокультурология изучает взаимосвязи и взаимодействие культуры и языка в процессе их функционирования. Она включает

исследование речевого поведения, речевого этикета, взаимодействия культуры и языка, и текста. Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка. Ее цель – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры, изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру. [6, с.296]

В статье попробуем описать как моделируется «мир кажимости», определить понятийное, семантическое поле – *кажимость*, очертить его границы, описать, что мы включаем внутри поля, подобрать более точный перевод на болгарском языке. Материал для анализа и сравнения взят из одноязычных и двуязычных русских и болгарских словарей (толковых, переводных, этимологических, фразеологических).

Кажимость производно от глагола *казаться*. Словари дают такие толкования глагола *казаться*:

В Новом русско-болгарском словаре С. Влахова: 1. *Изглеждам; имам вид (на); он казался умным изглеждаше умен; она казалась моложе своих лет изглеждаше по-млада от годините си.* 2. Кому, безл. *Струва ми се, прилича ми; мне кажется, что он не придет струва ми се, че няма да дойде.* 3. Кажется като вметн. 1. *изглежда, май че, по всичко личи; 2. струва ми се, ако не греша* 4. Кажущийся мним, привиден; кажущиеся успехи. 5. *казалось бы, на пръв поглед би казал човек; най-вероятно.*

Большой толковый словарь (БАС) дает следующее значение: *казаться – безл.кому. Представляется воображению, мысли. Мне кажется, что мы уже где-то встречались. / безл. Чудиться, мерещиться. Ей казалось сейчас, что в доме кто-то ходит.*

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: 3. *Являться, возникать в мыслях, в воображении. Ему всё время кажутся всякие ужасы, небылицы. Стучат? – Нет, это тебе кажется.*

В болгарском языке трудно найти точное переводное соответствие русскому слову *кажимость*. На болгарский язык

значение этого слова можно передать с помощью «струва ми се, възделение, изглежда, изглежда ми, като че ли, види се, сякаш, вижда ми се, престорва ми се, оставам с впечатление, май че мисля, смятам, предполагам, считам, по мое мнение, доколкото знам, според мен».

Кажимост – это одна из семантических основ внутреннего мира человека. Значение совпадает с видением мира воображаемого и реального, с видением человека в рамках реальности и фантазии, миром его снов, грез, фантазии. Это – некий возможный мир между реальностью и ирреальностью. «Мир кажимости» позволяет моделировать мир не таким, каким он есть в реальности, а таким, каким он есть для конкретного субъекта в определенный момент восприятия, то есть каким он кажется, например, мир в его мечтах, в воображении.

Э. Кассирер подчеркивает, что теоретическое построение картины мира начинается с того момента, как сознание впервые проводит ясную границу между видимостью и истиной, между просто воспринимаемым или представляемым и истинно сущим, между субъективным и объективным. [5, с. 279] Таким образом, *кажимост* возникает в условиях неполноты восприятия мира человеком, разного рода «сбоев в восприятии» в действительности.

В языке выделяются категории с разной степенью отклонения от истины: р. *мечта, воображение, фантазия, неискренность, ложь/б. мечта, въображение, фантазия, лъжа*. Среди многообразия форм осмысляемого небытия выделяются такие явления, как р. *сон, сновидение, бред, грезы, искусство/сън, съновидение, делир, мечта, изкуство*. Основной онтологической характеристикой лингвистического феномена *кажимост* является ее двойная денотативная соотнесенность, отражающая две денотативные ситуации – реалную и кажущуюся. [7, с.103] Можно определить и такую лингвистическую бинарность «есть vs.кажется».

Полностью придерживаемся мнения Н. Д. Арутюновой, что модальность *кажимости* «маркирует то, что не видно, а привиделось, не слышно, а послышалось. Для нее характерен ситуативный антураж сумерек и тумана, снов и сновидений». [2, с.896]. В «мир кажимости» входят категории с разной степени

отклонения от истины: воображение, мечта, фантазия, притворство, ложь, неискренность.

В болгарской лингвистике, в отличие от русской, семантическое поле кажимости до последнего времени не являлось объектом рассмотрения.

При проведении русско-болгарских параллелей поля *сон/сън – мечта/мечта* можно определить *сон* как ‘то, что снится, сновидение’, *мечта* ‘о том, о чем мечтает человек, то, что воспринимается как нечто нереальное’.

Глагол *сниться* имеет значение как мнимая действительность, «кажимость»: в том или ином виде входит значение несоответствия наблюдаемой картины и действительного положения вещей (грезить, воображать, сниться, мерещиться). [1, с. 762]

Между *мечтой* и *сном* существует и промежуточное *грезы*. Слово *греза* толкуется как ‘мечта, блажь, мнимое видение, игра воображения во сне’. Ему в болгарском соответствует слово, тоже занимающее промежуточное место между *сън* и *мечта* – *бян*, ‘нечто желаемое, возникающее в воображении, мечты’. В. Даль толкует слово *греза* как ‘мечта, блажь, мнимое видение, игра воображенья во сне, речи во сне’. Слово *греза* и мн. ч. *грезы* занимает промежуточное место между синонимами *сон* и *мечта* в их значении ‘*сильно желать*’. Эти существительные и в русском, и в болгарском языках связаны с однокорневыми глаголами *сниться, мечтать, грезить* и *сънувам, мечтаю, бленувам*.

Анализ семантического поля *мечта*, в которое также входят синонимы *надежда, чаяние, иллюзия*, показывает, что *мечта* – это пожелание относительно будущего, это образ желанного будущего, надежда на лучшее будущее, но в достижимости желаемого нет уверенности. Можно объединить *мечту* и *надежду*: *мечта-надежда*, как нечто ожидаемое. *Надежда* – свидетельствует о том, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление. Не на последнем месте в поле входит и *воображение*. «*Воображение* может концептуализироваться как деятельная часть памяти, участвующая в появлении и воспоминании. *Воображение* – способность воображать, это мысленное воспроизведение чего-нибудь (мечта, фантазия)». [3, с.628]

Исходя из сказанного, можем очертить «мир кажимости» следующим образом:

Воображение
Мечта
Сон
Надежда
Фантазия

Сон, мечта, надежда входят в центр поля, а *воображение* и *фантазия* остаются на периферии.

Анализируя «мир кажимости», понимаем, что через *кажимости* познается не только видимый мир – таким образом познается человек.

Данное наблюдение является одним из начальных этапов разработки семантического представления «*мира кажимости*» и его сопоставительного анализа в русской и болгарской лингвокультурах.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Брагина Н.Г. И к былям небылиц без счету прилыгал. О границах между памятью и воображением. // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. - 624-636с.
4. Делева Н. О проекте создания серии учебных русско-болгарских словарей лексических аналогов. – Лексикографията в началото на XXI в. Доклади от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология. София, 15-16 октомври 2015 г. С., 2016. – с. 178-184.
5. Кассирер Э. Собрание сочинений. Т.2. Мифологическое мышление. – М., СПб: Университетская книга, 2002. – 279с.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 296 с.
7. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости, Дис. канд. филол.наук. – Иркутск, 2007. - 103с.

8. Червенкова И.В. Об интерференции в области лексики близкородственных языков. - *Rustina v teorii a v praxi. Meždunarodnaja konferencija predavatelej ruskogo jazyka. Praga, Sbornik*, 155-159.
9. Червенкова И. В. О лексическом сходстве и различии русского и болгарского языков. Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици. Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици, (6), 117-128. 1977.

Словари:

1. Андрейчина К. Русско-болгарский фразеологический словарь / К. Андрейчина, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запрянова. - М.: Русский язык, 1994.
2. Большой академический словарь русского языка (БАС), М- СПб., 2011
3. Большой фразеологический словарь русского языка, В.Н.Телия, 2014.
4. Влахов С. Нов руско-български речник. – Парадигма, 2004
5. Евгеньева А.П. Малый академический словарь (МАС) / А.П. Евгениева. М.: Институт русского языка Академии наук, 1957-1984
6. Кошелев А. Българско-руски фразеологичен речник / А. Кошелев, М. Леонидова. - С-М.: Наука и изкуство, 1974.
7. Кузнецова Е. Словарь крылатых слов и выражений русского языка / Е. Кузнецова. - М.: Научная книга., 2017.
8. Мокиенко В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М., 1989.
9. Морковкин В.В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Н.М. Луцкая , Г.Ф. Богачева / Под ред. В. В. Морковкина.- М.: Аст-пресс Школа, 2016
10. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. – М.: Русские словари, 1994.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
12. Ничева К. Нов фразеологичен речник на българския език / К. Анкова-Ничева.- София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 1993.
13. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (под руководством Ю. Д. Апресяна). Москва-Вена, 2004.
14. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., Азъ, 1992.

Literary sources:

1. Apresyan Y.D. Obraz chovek po dannym ezika: popytka sistemno opisanie // Izbrannye trudi T.2. Integralno opisanie na ezika i sistemna leksikografiya. - M.: Yazyki ruska kultura, 1995.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir chovek. - M.: Yazyki ruska kultura, 1999. - 896 s.
3. Bragina N.G. I k bilyam nebylits bez schetovodstvo prilugal. O granitsakh mezhdu pamett'yu i voobrazheniem. // Logicheskii analiz ezika. Mezhdunarodna konferentsiya po leksikografiya ileksikologiya. Sofiya, 15-16 oktombri 2015 g. S., 2016. - s. 178-184.
4. Deleva N. O proektiraneto na süzdadeni serii uchebni rusko-bolgarski slovari leksicheski analogov. - Leksikografiyata v nachaloto na XXI v. Dokladi ot Sedmata mezhdunarodna konferentsiya po leksikografiya ileksikologiya. Sofiya, 15-16 oktombri 2015 g. S., 2016. - s. 178-184.
5. Kassirer É. Sobranie sochineniï. T.2. Mifologicheskoe myshlenie. - M., SPb: Universitet-skap kniga, 2002. - 279s.
6. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnik. posobie. - M.: Flinta, Nauka, 2007. - 296 s.
7. Semenova T.I. Lingvisticheskiï fenomen kazhimosti, Dis. kand. filol.nauk. - Irkut'sk, 2007. - 103s.
8. Chervenkova I.V. Ob interferentsii v oblastta na leksiki blizkorodni ezitsi. - Rustina v teorii a v praxi. Mezhdunarodnaja konferencija prepodavatelej russkogo jazyka. Praga, Sbornik, 155-159.
9. Chervenkova I. V. O leksicheskom skhodstvo i razlichiya rusko i bolgarsko yazykov. Byuletin za süpostavyane tochno na bülgarskiya ezik s drugi ezitsi. Byuletin za süpostavyane tochno na bülgarski ezik s drugi ezitsi, (6), 117-128. 1977.

Dictionaries:

1. Andreichina K. Rusko-bolgarskii frazeologicheskii slovar / K. Andreichina, S. Vlahov, S. Dimitrova, K. Zapryanova. - M.: Russkii yazyk, 1994.
2. Bolshoi akademichen slovar ruskogo yazyka (BAS), M- SPb., 2011.
3. Bolshoi frazeologichen slovar ruskogo yazyka, V.N.Teliya, 2014.
4. Vlahov S. Nov rusko-bulgarski rechnik. - Paradigma, 2004.
5. Evgeneva A.P. Malyi akademicheskii slovar (MAS) / A.P. Evgenieva. M.: Institut za ruskogo yazyka Akademiya nauka, 1957-1984ž
6. Koshelev A. Bulgarsko-ruski frazeologichen rechnik / A. Koshelev, M. Leonidova. - S-M.: Nauka i izkustvo, 1974.
7. Kuznetsova E. Slovar krylatykh slov i vyrazhen ruskogo yazyka / E. Kuznetsova. - M.: Nauchnaya kniga, 2017.
8. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya / V.M. Mokienko. - M., 1989.
9. Morkovkin V.V. Bolshoi universalnyi slovar ruskogo yazyka / V. V. Morkovkin, N.M. Lutsкая, G.F. Bogacheva / Pod red. V. V. Morkovkina. - M.: Ast-press uchilishte, 2016

10. Mikhelson M.I. Ruskaya mysl i rech. Svoe i chuzhoe. Opitaite ruskata frazeologiya. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii. - M.: Ruski slovari, 1994.
11. Lingvisticheski entsiklopedicheski slovar / pod red. V.N. Yartseva. - M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
12. Nicheva K. Nov frazeologichen rechnik na bŭlgarskiya ezik / K. Ankova- Nicheva.- Sofiya: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Okhridski", 1993.
13. Nov obŭyasnitelen slovar' sinonimov ruski ezik (pod rŭkovodstvoto YU. D. Apresyana). Moskva-Vena, 2004.
14. Tolkoviy slovar ruskogo yazyka pod red. S.I. Ozhegova, N. YU. Shvedovoi. M., Az, 1992.

Христова Наталия Василева
доктор филологии, гл. ассистент
Пловдивский университет имени П.
Хилендарского
Болгария, Пловдив
email: vest_etropole21@abv.bg

Hristova Nataliya Vasileva
Ph.D., Chief assistant
Plovdiv University of Paisii Hilendarski
Bulgaria. Plovdiv
email: vest_etropole21@abv.bg

Н. В. Христова
**ИДИОМЫ С КОМПОНЕНТОМ
«ОВОЩИ/ФРУКТЫ/ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ»
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И СЛАВЯНСКИЙ ОБРАЗНЫЙ
МИР – ПОПЫТКА СОПОСТАВЛЕНИЯ**

Аннотация. Акцент в представленной работе поставлен на описании мотивационной основы некоторых идиоматических словосочетаний, построенных на „пищевой” образности и характерных для французской речи, а также на попытке подобрать им функциональные соответствия с заменой образности в двух славянских языках – русском и болгарском.

Ключевые слова: образность, устойчивые словосочетания, фразеологические единицы, аналоги.

N. V. Hristova
**ON THE FRENCH COLLOCATIONS BASED ON FOOD
IMAGERY AND THE SLAVIC IMAGE WORD-
ATTEMPT OF COMPARISON**

Abstract. The point of this paper is to show some typical French collocations based on food imagery and to choose for them functionally adequate forms using the method of substitution of the imagery according it to the Russian and Bulgarian image of the word and stylistic functions as well.

Keywords: imagery, collocations, phraseological locutions, analogues.

В этой статье мы постараемся проиллюстрировать некоторые типичные для французского обихода устойчивые словосочетания и фразеологизмы с образным компонентом названий овощей, фруктов и продуктов питания. Материал для анализа выписан из академических изданий фразеологических словарей и интернет-источников. Наша цель проанализировать сходства и расхождения в

восприятии и описании действительности соответственно во французском языковом сознании и в двух славянских системах – болгарской и русской.

Выбранные нами методы для обработки материала в основном – описание образности устойчивых словосочетаний/фразеологических единиц (далее УС/ФЕ), типичных для французского языка (ФЯ), и их сравнение с аналогическими единицами речи в болгарском языке (БЯ) и в русском языке (РЯ).

«Новый большой французско-русский фразеологический словарь» под редакцией В.Г. Гака [2], по нашему мнению, может служить надежным примером в отношении описания материала. Его авторы используют при переводе ФЕ эквиваленты, аналоги или семантическое развертывание. Эквивалентными принято считать независимые от контекста постоянные соответствия, и именно такие мы старались найти в РЯ и БЯ исходным французским идиомам. Нас особо интересует национальная специфика первоначального денотата, семантика идиоматической единицы и ее образный компонент, на котором зиждется сравнение или метафора. Проверка значений ФЕ шла по интернет-источникам [1],[4],[5],[6],[7], [8], [9]. Объем исследования достаточно сокращен, иначе мы бы развернули полные критерии для сопоставления единиц, а именно: 1) значение; 2) грамматические модели; 3) лексический состав; 4) образную составляющую; 5) функционально-стилевые особенности. В данном случае нам послужат только критерии 1, 4 и 5.

Начнем с наименований некоторых овощей, вошедших в образную речь ФЯ. **Морковь** (*carotte*) вызывает ассоциации с рыжим цветом волос. Вспомним автобиографическую повесть Жюль Ренара *Poil de carotte* – в переводе на болгарский «Червенокосото», в русском издании – «Рыжик». УС *les carottes sont cuites* (досл.морковка зажарена) переведем на БЯ как «работата е опечена/в кърпа вързана», на РЯ «дело в шляпе». В зависимости от контекста может развить и другое оценочное значение: *Ses carottes sont cuites* – «спукана му е работата», «его дела плохи». УС *Ne vivre que de carottes* (жить на одной морковке) соответствуют функционально-семантически «живея на хляб и вода» (БЯ) и «жить впроголодь» (РЯ).

Превратившееся в клише выражение *Politique du baton et de la carotte* (досл. *политика палки и морковки*) имеет свои соответствия во всех европейских языках с вариациями образности: в БЯ это «пръчка и морков», в РЯ – «политика кнута и пряника».

Tirer une carotte à qn – в БЯ «да изпрося/да изклинча от някого нещо», в РЯ «выманить у кого-л. что-л. хитростью». Интересно отметить, что во ФЯ в том же значении существует глагол: *Carotter de l'argent* (вымогать деньги); *carotter qn* (провести кого-л.); *carotter sur qch* (наживаться на чём-л.). В БЯ и РЯ не нашли образных соответствий.

Капуста тоже присутствует частотно в разговорной речи французов в целях выразительности. Образная замена головы с кочаном капусты наблюдается в следующих идиоматических выражениях:

Être bête comme un chou = ne rien avoir dans le chou (глуп, как капуста, вариант: *dans la citrouille* – в тыкве), в русском соответствие «глуп, как пробка», синонимы: «глуп, как осел/как осетровая башка». Болгарский эквивалент построен на образной основе тыквы (метонимическая замена головы): «нямам нищо в тиквата», «тиквата ми не увира». Обращение *Tête de chou* используется в значении «тупица, дурья башка», в БЯ «дървена глава, тиква проста».

Rentrer dans le chou à qn (прост., досл. *смазать по капусте*) – наброситься, накинуться на кого-л, «дать в морду». В БЯ «да го цапардосам по сурата», где функцию сниженного стиля исполняет турцизм.

Любопытным аналогом в искусстве нам может послужить картина Яна ван Векелена середины 16-го века «Легенда о пекаре из Экло»[3], на которой изображена весьма распространенная легенда того времени. Согласно ей люди, которым не нравилась их внешность, ехали в пекарню города Экло, где они могли выпечь себе любую новую голову. Сначала голову отрубали, а на ее место ставили *кочан капусты*. Потом мастера лепили новое лицо из муки и масла и выпекали его в печке. Наконец голову с новым лицом из теста пришивали бывшему хозяину головы.

Другие коннотативные реализации образа капусты встречаем в следующих УС:

Mon chou (вар. *Mon petit chou*, *mon chou-chou*) – милое обращение со значением «душенька, лапочка», в болгарском: «мило, коте, душко, пиле» и т.д. *Aller à travers choux* (досл.шагать через капустное поле) – «идти напролом», в БЯ «вѣрвя/карам през просото», «правя нещо насяпо». *Aller planter ses choux* (ирон.), буквально «пойти сажать капусту», т.е. удалиться на пенсию (в деревню); существует и вариант *Envoyer qn planter ses choux* – отправить кого-л. в отставку. *Comme chou* (как капуста) – это проще простого, «проще пареной репы» (РЯ); «фасулска работа» (БЯ).

Être dans les choux (досл.быть среди капусты) – оказаться в трудной ситуации, в неловком положении, а также потерпеть провал. Аналог в РЯ «попасть впросак». В БЯ ему соответствует «да се озова в небрано лозе».

Faire chou blanc (досл.сделать белую капусту) – потерпеть полную неудачу, «сломать себе шею»; в БЯ: «да претърпя фиаско», «да се издъня», «да бѣда бита карта».

Faire ses choux gras de qch (досл.сдобрить салом свою капусту) – поживиться, «нагреть руки на чѣм-л»; в БЯ «да ударя кѣоравото», «да намажа».

Faites-en des choux et des raves (шутл., досл.делайте из чего-л. капусту и репу) – «решение за вами», «делайте с этим всё, что заблагорассудится»; БЯ «правеете каквото желаете/както ви харесва».

S'y entendre comme à ramer des choux (шутл.) – досл.«подпирать капусту палками», т.е.«ни бельмеса/черта не смыслить в чѣм-л.». В БЯ «нищо не отбирам/не вдявам».

User de qch comme des choux de son jardin – бесцеремонно обращаться с какой-л. чужой вещью. В РЯ и БЯ мы не нашли фразеологических соответствий.

Следуют примеры с образными элементами **фасоль и лук**.

Courir/taper sur le haricot (прост., досл.бегать/ударять по фасоли) – производное значение осточертеть, «надоест хуже горькой редьки»; в БЯ «втръснало ми е», «до гуша ми е дошло». Дело в том, что фасоль считалась пищей бедных слоев населения. Откуда и УС *c'est la fin des haricots* (досл.фасоль кончилась) в значении конец

истории/разговора, вариант перевода «чему-л./кому-л. крышка/капец»; в БЯ «това е краят на...».

Travailler pour des haricots (ирон., досл. *работать за фасоль*), синоним *Toucher des haricots* – работать практически задаром, «за гроши», в БЯ «трепя се за жълти стотинки».

Arranger qn aux petits oignons (досл. *расставить до самой маленькой луковицы*) – в РЯ ему соответствует «разделить кого-л. под орех», в БЯ «да направя на бъзе и коприва».

Самостоятельно выражение *Aux petits oignons* означает «сделать что-л. с большой тщательностью, представить в лучшем виде», в БЯ «да изпипам до последния детайл, съвършество, да представя в целия му блясък».

Avoir de l'oignon (ирон., досл. *иметь лук*) – быть зажиточным, в русском ему соответствует ФЕ «у него денег куры не клюют», в БЯ «имам пълни джобове», «червив съм с пари». Сравним с УС *N'avoir plus un radis* (досл. *не иметь ни репки*), т.е. остаться без средств, варианты перевода: «Остаться в одной рубашке», «Остаться без штанов/без копейки»; в БЯ «Да остана без пукната пара/къорав лев».

Интересно отметить, что во ФЯ наименования овощей **фасоль**, **репа** и **лук** в своем переносном употреблении могут служить образной заменой понятия «деньги».

C'est mes oignons (досл. *это мой лук*) – «это уж моя забота», «это касается только меня»; в БЯ «това си е моя работа». Соответственно *C'est pas mes oignons* (досл. *это не мой лук*) – «Моя хата с краю, ничего не знаю», чему в БЯ находим следующее фразеологическое соответствие: «Ни лук ял, ни лук мирисал». Вариант *C'est pas tes oignons!* (прост.) – «Не твое дело!», «Не суй нос в чужие дела!»; в БЯ «Гледай си работата!», «Не си пъхай носа в чужди работи!».

Marcher sur les oignons de qn (досл. *наступить на чей-то лук*) – ущемлять чьи-л. интересы, «залезать в чей-л. огород». В болгарском узуальное соответствие «накърнявам интереса». Следует уточнить, что прямой перевод ведет к болгарскому УС с совершенно другим значением: «Да сгзя лука» – ошибиться, опозориться.

Marchand d'oignons se connaît en ciboules (досл. *продавец лука знает хорошо и лук-рэзанец*) – в РЯ эквивалентный фразеологизм

«Старого воробья на мякине не проведёшь», чему в БЯ соответствует ФЕ с образом *огурец*: «Да продаваш на краставичар краставици».

Donner des fèves pour des pois (досл. *давать бобы за горох*) – дать мало в надежде получить много, в БЯ существует ФЕ «ловя с трици маймуни». В болгарском встречаем и УС противоположное по значению, разменивать что-л. крупное за незначительное: «давам кон за кокошка» (обменять коня на курицу); с подобным подтекстом и заголовок популярной болгарской сказки «Сливи за смет» (обменивать чернослив на мусор).

Вариант *Rendre fève pour pois* (досл. *вернуть горох бобами*) употребляется со значением «Отплатить обидчику той же монетой»; в БЯ «Да му го върна тъпкано».

Manger des pois chauds (шутл., досл. *естъ горячий горох*) – проглотить язык от смущения, от растерянности, «язык прилип к гортани»; в БЯ «да си гълтна езика», «да си забравя граматиката».

Как видно из примеров, коннотативные значения, которые развили названия перечисленных овощей на почве французского национального сознания, весьма разнообразны и исключительно редко совпадают со значениями в БЯ и РЯ.

Если подойти к вопросу статистически, то 23 из описанных выше 30 ФЕ с мотивирующим элементом „овощ“ из французского языка мы нашли аналогические соответствия с полной заменой образности, пять из них переводим только путем семантического развития и наблюдаем совпадение образности только в двух примерах (!).

Рассмотрим теперь некоторые УС с наименованиями фруктов.

Французские слова *cerise* – вишня и *guigne* – черешня входят в состав следующих идиоматических выражений: *avoir la cerise/la guigne* (прост.) – быть невезучим, в БЯ «карък съм, нямам късмет»; *flanquer/porter la cerise/la guigne* (прост.) – приносить несчастье, «накликать беду», в БЯ «нося лош късмет»; *gagner les queues de cerises* – досл. *зарабатывать ножки черешен*, т.е. жалкие гроши, в БЯ «жълти стотинки»; *disputer les queues de cerises* (ирон., досл. *спорить из-за ножек черешень*) – спорить по пустякам, в БЯ «дърлям се за глупости/дреболии»; *ramener sa cerise* (вариант *sa fraise* – клубника, досл. *принести свою вишню/черешню*) – припереться или встревать в

чужой разговор, в БЯ «да цѣфна някъде»; *rouge comme une cerise* (un coquelicot, une pivoine) – досл. красный как вишня, как мак, как пион, чему соответствуют в болгарском и русском *как рак* и *как мак*. Образное словосочетание *giune noire* (досл. черная черешня) переводим как «сплошное невезение», болг. «пълен карък».

À la noix – досл. с *орехами*, употребляется в прямом смысле (*gâteau aux noix* – ореховый торт), а в переносном значении маркировано уничижительной окраской и несет сильно негативную оценку. Варианты перевода соблюдают стилистический регистр – в РЯ *скверный, паршивый*; в БЯ *негоден, посредствен, не струващ пет пари*. То же самое наблюдаем при переводе восклицания *Des noix!* (ирон.) – Чепуха! Вздор!, в БЯ: Дрън-дрън! Щуротии! *Bobards à la noix* (уничиж.) – небылицы, росказни; болг. врели-некипели. *Vieille noix* (досл. старый орешек) – ласковое обращение к старику, в РЯ *недомѣна, старина*; в БЯ *дърто, старче*. Единственное соответствие с этим образным компонентом, которое мы встретили в трех рассматриваемых нами языках, это *Noix dure à briser*, т.е. «крепкий орешек» о человеке, в болг. «костелив орех». В русской речи коннотация слова «орехи» связана скорее всего со значением *ругать, критиковать*: «дать кому-л. на орехи», «разделить под орех».

Образ *груши* имеет несколько коннотативно-смысловых вариаций во ФЯ. *Être une bonne poire* (досл. хорошая груша) – быть добрым и наивным, болг. добряк, добродушен. *Ce qu'il est poire!* – из-за наивности «груше» приписываются качества дурака: Какой же он дурак!; Вот олух! В БЯ: Ама че смотяняк!

Couper la poire en deux (шутл., досл. делить грушу пополам) – делить пополам доходы и убытки. В РЯ и БЯ не нашли идиоматических соответствий, можно перевести болгарским разговорным оборотом «деля си масрафа с някого».

Garder une poire pour la soif (досл. отложить грушу на случай жажды) – держать что-л. про запас, на чёрный день; в БЯ «бели пари за черни дни».

La poire est mûre (шутл., досл. груша поспела) – момент назрел, пора действовать; в БЯ «дошъл е/настъпил е моментът».

Se fendre la poire (разг., досл. *надломить грушу*) – в РЯ «лопнуть со смеха», «хохотать во все горло»; в БЯ «да се пръсна от смях», «да ми се спуга джигера от смях».

Quand la poire est mûre il faut qu'elle tombe (шутл., досл. *Когда груша поспела, ей следует упасть*) – существует аналогическая русская поговорка «Чему быть, того не миновать»; в БЯ «Ще става каквото има да става».

ФЕ *Faire avaler des poires d'angoisse* (досл. *заставить кого-л. проглотить груши тревоги*) ведет свое начало из орудия пыток Инквизиции с такой же формой. Подход перевода в РЯ и БЯ – смысловое развитие: «заставить кого-л. мучиться сомнениями», «да накарам някого да страда/да се измъчва».

Ne pas promettre des poires molles (досл. *не обещать мягких груш*) – грозить кому-л. кулаком. Образность здесь строится на метонимии по форме – кулак уподобляет грушу.

Далее рассмотрим какие коннотации порождает в сознании носителей французского языка образ яблока и образ сливы.

Haut comme trois pommes (досл. *ростом с три яблока*) – РЯ «от горшка два вершка», в БЯ «две педи човек». *Bonne pomme* (прост.) – РЯ простофиля, БЯ наивник. УС *Décerner la pomme* (шутл.) – присудить приз за красоту, имеет своим основанием миф о Парисе и его выборе. Общее значение клише, проникшего практически во все европейские языки, *pomme de discorde* – яблоко раздора (РЯ) – ябълката на раздора (БЯ), мотивировано мифологическим образом.

У ФЕ *Tomber dans les pommes* (прост., досл. *упасть в яблоки*, синоним *упасть в капусту*) со значением *грохнуть в обморок* тоже нет соответствий с образным компонентом в РЯ и БЯ.

В одном из своих коннотативных значений *слива* является синонимом понятию удар, затрещина, откуда: *Secouer comme un prunier* (досл. *встряхнуть как сливу*) – дать взбучку кому-л.; в БЯ «да го натупам».

Другое значение, которое реализует это слово во фразеологии ФЯ, можно проследить в примере *Ne pas valoir prune* (разг., *не стоит сливы*) – «ломаного гроша не стоит», «пукнат лев/пукната пара не струва». Второй вариант употребления – делать что-либо зря, попусту: *Pour des prunes* (досл. *ради слив*), то есть «за красивые

глазки»; в БЯ «за черните ти очи» или «за тоя дето духа». И противоположное по значению *ce n'est pas (mis) pour des prunes* – «это дело серьезное», в БЯ «не е проста работа». Во ФЯ распространен фразеологизм разговорного обихода *Envoyer qn aux prunes* (прост.) – «послать кого-л. искать ветра в поле», в БЯ «да пратя за зелен хайвер».

Третье значение этого образа – подвыпить: *prendre une prune* (разг.), «**пропустить стаканчик**». Соответственно, в примере *Avoir sa prune* (досл. *иметь свою сливу*) означает «быть навеселе», в БЯ «почерпил се е».

Масло, как символ богатства в доме и достатка, в известной степени является общим для всех европейских культур. Вспомним сказочный речевой оборот в БЯ «реки от мед и масло» или идиом «тече като по мед и масло», русское «кататься в масле». В том же смысле французы говорят *Ôter à qn son bon beurre* – лишить кого-л. дохода, барышей.

Рассмотрим и другие коннотативные реализации этого образа:

Ne pas inventer le fil à couper le beurre (ирон., досл. *не придумает проволочку для резки масла*) – быть кем-л., кто «пороха не выдумает»; в БЯ «да открия колелото/топлата вода». *Promettre plus de beurre que de pain* – «сулить золотые горы», «обещать с три короба»; в БЯ «обещавам планини от злато». *Vouloir le beurre et le prix du beurre* (досл. *хотеть и масло и цену масла*) – хотеть получить всё, не давая ничего взамен. В РЯ ему соответствует «И рыбку съест и на хер сесть»; в БЯ «Да получа без да си мръдна пръста/задника».

Следует несколько примеров с образом **хлеба/булки**.

Casser une croûte (досл. *надломить корку булки*, срв. *casse-croûte* – лёгкий завтрак) – «перекусить, заморить червячка»; в БЯ «да зальжа глада». *Gagner sa croûte/son pain* – «зарабатывать себе на кусок хлеба»; в БЯ «да си печеля хляба».

Vieille croûte (досл. *старая корка*) – о человеке «виды видавшем»; в БЯ «печен». Слово *корка* развило и значение «разлентиться»: *Se croûter dans ses habitudes* (досл. *знать свою корку*) – «погрязнуть в своих привычках»; в БЯ «да се отдам на леност/мързел».

Ça ne mange pas de pain (досл. *это хлеба не даст*) – «не важно», «погоды не делает»; в БЯ образная основа выражения совпадает с исходной: «няма **хляб** в тази работа». Метафорическую образность пословицы *Mieux vaut pain en poche que plume au chapeau* (досл. *Лучше хлеб в кармане, чем перо на шляпе*) можем передать эквивалентными соответствиями «На брюх шелк, а в брюхе щелк» в РЯ и «На гол тумбак чифте пищови» в БЯ.

Следующим двум ФЕ мы не нашли образных соответствий: *Long comme un jour sans pain* (досл. *длинный, как день без хлеба*) – «бесконечно тянувшийся»; употребляется и в значении «тягостный, мучительный». Возможен вариант передачи на БЯ устойчивым сравнением, в основе которого лежит реалья: «влачи се като родопска песен». *Commencer par manger son pain blanc* (досл. *начать есть с белого хлеба*) – «начать с самого легкого и приятного».

Il a plus de la moitié de son pain cuit (досл. *больше половина его хлеба уже выпеклась*) – про человека, который скоро простится с жизнью, «на пороге жизни»; в БЯ «песента му е изпята».

В свой иллюстративный корпус мы включили и ФЕ с элементами *сало* и *горчица*.

Avoir mangé le lard (досл. *наелся сала*) – быть замешанным в чём-то криминальном. Вариант *Il a mangé le lard* – «у него рыльце в пуху»; в БЯ «бъркал е в меда». *Nous allons voir qui manger le lard!* (шутл.) – функциональный эквивалент в РЯ «Ещё посмотрим, чья возьмёт!»; в БЯ «Ще видим кой ще се смее последен!». *Se faire du lard* (жиреть) – «валяться в постели». *Sauver son lard* (шутл. – ирон.) – «спасать свою шкуру»; в БЯ «да спася кожата си». *Tête du lard* (ругат., груб.) – «дурья башка»; в БЯ «тъп като галош».

De la moutarde après le goûter (досл. *подавать горчицу после еды*) – «вы с этим опоздали»; в БЯ «след дъжд качулка».

La moutarde lui est montée au nez (досл. *горчица дошла до носа*) – «он вспылел, он сорвался»; в БЯ «да кипна/да избухна».

О деньгах, которые пошли неизвестно на что, французы говорят *Le reste en moutarde*, то есть *Оставшееся на горчицу*.

Из приведенного иллюстративного материала четко можем выделить выразительные функции наименований пищевых продуктов, вошедших в ФЕ, и использовать для их передачи

образный перенос, который присущ каждому национальному сознанию. Именно культурно-бытовой фон позволяет четко выявить расхождения с образной картиной в сознании носителей болгарского и русского языков и обосновать нерелевантность коннотации таких образных элементов во ФЯ, как *капуста*, *черешня* или *горчица*. При переводе прибегаем к функциональной замене образа, которая реализуется чаще всего по линии от овоща/фрукта к прямому наименованию (деметафоризация) или к предмету быта (*Toucher des haricots* = *Gagner les queues de cerises* – *работать за жалкие гроши* – *работя за жълти стотинки*; *N'avoir plus un radis* – *остаться в одной рубашке/без штанов* – *без пукната пара*). Полные эквивалентные соответствия в двух славянских языках тоже встречаются относительно редко, например: *Sauver son lard* – «спасать свою *шкуру*» – «да спася *кожата* си». Чтобы соблюдать стилистическую маркированность исходной единицы в БЯ часто прибегаем к заимствованиям из турецкого (*Se fendre la poire*: «да ми се спуга *джигера* от смях»).

Сопоставление избранной нами тематической группы устойчивых оборотов рельефно показало расхождения в образном мышлении и все же выделило некоторые общие для европейского языкового сознания черты, например, метафорически признак «богатство» приписывается *маслу*, а «леность» *салу/жиру*. Общей характеристикой можем считать и то, что пейоративное отношение говорящего образно связывается с маленькими по размеру овощами/фруктами: *Bobards à l'ipoix! Одного поля ягоды! Трънки и глогинки!*

Мы постарались проследить и мотивировать расхождение в образности в трех наблюдаемых языках и описать возможности функционально-стилистически эквивалентного перевода французских идиомов соответственно на РЯ и БЯ.

Библиографический список

1. БЪЛГАРСКИ онлайн ФРАЗЕОЛОГИЧЕН РЕЧНИК <<https://frazite.com/>>
2. Гак В.Г. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь. – Русский язык Медиа, 2006. – 1628 с.

3. Избранное <<http://www.izbrannoe.com/news/eto-interesno/legenda-o-pekare-iz-eklo/>>
4. Отрезал <<https://www.otrezal.ru/>>
5. Amerlynck Julie. Phraséologie potagère: les noms de légumes dans les expressions françaises, 2006
<https://books.google.bg/books?id=5wvgej3gmg4c&pg=pa47&lpg=pa47&dq=fraseologie+avec+nourriture&source=bl&ots=sjmyzy2xg_&sig=acfu3u0tyz3xiuphi55jvkrcpanwwb04ha&hl=bg&sa=x&ved=2ahukewij3a6jqjnahugawmbhuv3agoq6aewahocamq#v=onepage&q=fraseologie%20avec%20nourriture&f=false>
6. Dictionnaire de l'Académie française, Volume 2
<https://books.google.bg/books?id=3sGdh-S-YHkC&pg=PA285&lpg=PA285&dq=quoi+ne+peut+pas+donner+des+poires&source=bl&ots=waKdA_nJy8&sig=ACfU3U3optk58kuF4n9wLgNGukcJSxVsHQ&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwjs_4Pwm-LnAhXASxUIHfpZARYQ6AEwBHoECAoQAQ#v=onepage&q=quoi%20ne%20peut%20pas%20donner%20des%20poires&f=false>
7. Larousse
<<https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/phras%C3%A9ologie/60536>>
8. Linternaute <<http://www.linternaute.fr/expression/langue-francaise>>
9. Reverso <<https://context.reverso.net/traduction/>>

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Раденкова Елена Кирилова
гл. ассистент
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария
e-mail:elradenkova@abv.bg

Radenkova Elena Kirilova
Chief assistant
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria
e-mail:elradenkova@abv.bg

Е. К. Раденкова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. МАРИНИНОЙ «ЧЕРНЫЙ СПИСОК» И ЕГО ПЕРЕВОДА ЗДР. ПЕТРОВОЙ)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы перевода фразеологических единиц в художественном тексте с русского языка на болгарский. Анализируются используемые переводчиком стратегии для реализации таких переводческих трансформаций, которые приведут к адекватному конечному продукту.

Ключевые слова: перевод, фразеологические единицы, переводческие стратегии, фразеологические эквиваленты, аналоги, лексический перевод, калькирование.

Е. К. Radenkova

ON THE PROBLEM OF TRANSLATING RUSSIAN FRASEOLOGICAL UNITS INTO BULGARIAN (BASED ON THE MATERIAL OF ALEXANDRA MARININA'S NOVEL 'THE BLACK LIST' AND ITS TRANSLATION BY ZDRAVKA PETROVA)

Abstract: The article explores the issue of translating phraseological units in a literary text from Russian to Bulgarian. The author analyses the strategies used by the translator in order to implement translational transformations that will lead to an adequate final product.

Key words: translation of phraseological units, translation strategies, phraseological equivalents and analogies, lexical translation, calquing.

Современные фразеологические исследования направлены на углубленное изучение семантики, структуры и состава фразеологизмов, на особенности и правила их функционирования, а также на описание коммуникативно-прагматических свойств этих единиц.

Анализ коммуникативно-прагматических аспектов употребления фразеологических единиц (ФЕ) в контексте перевода художественного произведения позволяет получить представление об их использовании в повествовании при создании художественного образа того или иного персонажа. Известно, что качество перевода во многом определяется умением переводчика профессионально точно идентифицировать переводческую проблему и осуществить необходимые переводческие трансформации для ее решения. Наше наблюдение показало, что адекватным конечным продуктом переводческой деятельности можно считать такой перевод, который исчерпывающе передает смысл, прагматику и образность оригинала.

По мнению многих ученых, ФЕ присущи устойчивость состава и структуры, воспроизводимость, наличие минимум двух слов в составе, фиксированный порядок слов, непроницаемость и неизменность лексического состава. Вслед за В.В. Виноградовым в русистике принято выделять три типа ФЕ: фразеологические сращения (идиомы, утратившие мотивировку значения); фразеологические единства (идиомы, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму); фразеологические сочетания (обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение) [Виноградов 1977: 13]. Н.М. Шанский добавляет еще один тип - фразеологические выражения (паремии, известные изречения из художественной литературы, публицистики, Библии, высказывания афористического типа или морально-этические назидания, употребляемые в определенных жизненных ситуациях для образной оценки) [ЛЭС1990: 519].

Объектом сопоставительного исследования в рамках данной статьи выбран роман А. Марининой «Черный список» и его перевод, сделанный переводчиком Здравкой Петровой. Мы проанализировали

контекст и употребление фразеологических единиц в оригинале романа и в варианте его перевода. Сравнив методы их перевода, мы попытаемся сделать вывод об адекватности и уместности каждого из конкретных случаев перевода фразеологизмов.

При использовании стратегии подбора *фразеологических эквивалентов* в переводящем языке (ПЯ) есть образный фразеологизм, который совпадает по всем параметрам с фразеологической единицей оригинала, и весь комплекс значений переводимой единицы сохраняется. Использование такого соответствия позволяет наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм.

В тексте исходного языка (ИЯ) встретился целый ряд таких фразеологизмов:

1) ...первый свой роман Игорь охранял от посторонних глаз *как зеницу ока*.

- Игор пазел своята първа ...любов от чужди погледи *като зеницата на окото си*.

Общеизвестен иносказательный смысл фразеологизма-библейзма в обоих языках: «хранить нечто, как самую большую ценность». В его основе лежит конструкция сравнения, где задано свойство "ценность" и его эталон *зеница ока*, что обозначает одну из наивысших ценностей в бытовой, социальной и духовной сферах жизни человека – зрение. Сходное образное выражение есть и в других европейских языках, что свидетельствует о древности оборота. [См.Телия 2006:304].

2)...на мне *камнем висел долг* перед Игорем Литваком.

- ...на врата ми *като камък тежеше* моят *дълг* пред Игор Литвак.

В обоих языках есть фразеологизм *виснуть камнем на шею/като камък ми тежи на шията*, где компонент *камень* соотносится с природным кодом культуры и восходит к древнейшей оппозиции «легкий-тяжелый», символизируя тяжелое эмоциональное бремя, которое угнетает и не дает покоя. Эквивалентность переводческого соответствия наблюдается и в стилистическом плане – в обоих языках ФЕ относятся к разговорной речи и экспрессивно маркированы.

3) На прощание *она кинула им кость* – сказала про Литвака.

- На сбогуване тя им *подхвърлила кокала* – казала им за Литвак.

И в оригинале, и в переводном варианте иносказательно выражается значение: «дать повод к спору, к ссоре», что адекватно передает описываемую ситуацию: чтобы огородить себя от подозрений, героиня рассказывает следователям пикантную историю об одном из подозреваемых в убийстве.

Очевидно, что фразеологические эквиваленты чаще всего относятся к группе интернациональных ФЕ, заимствованных обоими языками из античной мифологии и Библии.

Приведем пример и неудачно подобранного эквивалента:

4) – Сколько человек работает по этому делу? ... Основные есть? Или у вас *дитя без глазу* окажется?

– Боюсь, что окажется.

- – Колко души работят по този случай? Или ще се окаже, че си *гол като сокол*? (Наш перевод: Или *хилавото ви дете* май ще се окаже без *баби*?)

– Май така ще излезе.

Для нас остается непонятным выбор болгарского фразеологизма *гол като сокол*, который имеет аналогичный эквивалент и в русском языке, и означает «крайне бедный, нищий в материальном плане человек». Попытка переводчика, может быть, сводилась к тому, чтобы наделить его переносным значением: «бедный, т.е. нерасполагающий достаточным человеческим ресурсом» для ведения расследования. Но пословица *У семи нянек дитя без глазу* имеет в болгарском паремнологическом фонде точный эквивалент: *Много баби – хилаво дете*, идентичный по смыслу и образности, который надо было просто обыграть соответствующим образом.

Фразеологические аналоги используются в том случае, когда в ПЯ отсутствуют фразеологические эквиваленты, и нужно подобрать фразеологизм с таким же переносным значением, основанном на ином образе. При использовании этого типа обеспечивается достаточно высокая степень эквивалентности, но при этом необходимо стремиться сохранить эмоциональную и стилистическую специфику фразеологизма. Следует учитывать как стилистическую

неравноценность некоторых аналоговых фразеологизмов, так и национальный колорит некоторых ФЕ.

В качестве фразеологического аналога, при котором наблюдается частичное совпадение образности и значения, приведем следующий пример:

5) Дело в том, что Игорь Литвак *был белой вороной* в кинематографических кругах.

- Работата е там, че Игор Литвак *беше странна птица* в кинаджийските среди.

Белая ворона - метафора, используемая в русском языке идиоматическим образом для обозначения лица, имеющего поведение или систему ценностей, отличные от других лиц своего круга. *Странна птица* – субстантивный фразеологизм, в образной основе которого лежит гипероним – птица, который частично соотносится с исходной метафоричностью оригинального варианта. Мы поддерживаем решение переводчика выбрать частичным аналогом русского выражения «белая ворона» идиому «странна птица». В значении болгарской единицы есть сема «особенный, отличающийся от других, не такой, как все», при наличии и несовпадающих смысловых нюансов: эксцентричный, одинокий, нелюдимый.

6) Может, вам не жалко свою репутацию, а я своей дорожу. *И потом чем черт не шутит, пока господь поживает. От греха подальше...*

- На вас може да не ви е жал за репутацията ви, но аз ценя своята. И после *знае ли човек...Покритото мляко котки не го лочат.*

Значение поговорки *Чем черт не шутит*: «всякое может произойти, случиться, всё возможно в жизни». Она употребляется, когда предполагается возможность чего-либо неожиданного, маловероятного (и плохого, и хорошего), хотя говорящий не уверен в этом. Устойчивое выражение в варианте перевода *Знае ли човек* адекватно передает основной смысл единицы оригинала и означает: «Всичко става. Опасявам се, че всичко може да се случи».

Фразеологизм *От греха подальше* (уйти, убраться) указывает на необходимые действия, которые надо совершить на всякий случай, во избежание возможных неприятностей. В этом эпизоде романа идет

речь о необходимости принять экстренные меры предосторожности, чтобы избежать нового возможного убийства. Переводчик учитывает значения этих речевых отрезков в оригинале, которые связаны причинно-следственными отношениями. При этом, предполагаемое действие в будущем (*Лучше перестраховаться, от греха подальше*) заменено его результатом в тексте перевода (*Покритото мляко котки не го лочат*). Это отнюдь не нарушает точность перевода, а, напротив, является наилучшим, а порой, единственным способом адекватной передачи содержания подлинника. Переводчику удалось передать персуазивную тактику говорящего с целью оказать влияние на позицию адресата и изменить линию его коммуникативного поведения в сторону принятия мер безопасности. [О стратегии персуазивности см. Петкова 2018: 162-163]. Перевод, однако, сопряжен потерей образности и культурного смысла понятия *грех* с его библейскими корнями при его замене на пословицу, в канву которой встроены обыденно-традиционные элементы, присущие болгарскому патриархальному быту.

При отсутствии фразеологического эквивалента или аналога перевод называют нефразеологическим.

Лексический перевод применяется тогда, когда данное переводчику понятие предстало в одном языке фразеологической единицей, а в другом языке - словом, т. е., их лексическим эквивалентом. Но, не стоит забывать, что при переводе любое соответствие должно приобрести «фразеологический вид» или, как минимум, обладать экспрессивностью и стилистической окраской, которые близки к оригинальным. При лексическом переводе фразеологических единиц переводчик пытается приблизиться к фразеологическому переводу и стремится передать хотя бы отдельные его элементы или стороны:

7) Мои внезапные решения и не менее внезапные отмены этих решений ***выбивали ее из колеи***.

- Моите внезапни решения и не по-малко внезапните промени на тези решения ***я объркваха***.

8) Визг и беготня моих малолетних соседей совершенно ***выбили меня из колеи***.

- Крясъците и гонениците на моите малолетни съседчета съвсем *ме разконцентрираха*.

В тексте романа фразеологизм *выбивать/выбить из колеи* употреблен автором дважды в значении: «нарушать обычный, привычный ритм жизни кого-либо; выводить из обычного состояния». Экспрессивно-разговорная тональность оригинала разрушена при переводе, так как переводчик выбрал нефразеологический метод перевода, а именно нейтральные глаголы: *объркваха* и *разконцентрираха*, учитывая погружение ФЕ в разный контекст. В болгарском фразеологическом фонде, однако, есть аналог, который успешно мог бы быть употреблен: *изкарвам някого извън релси* [РБФР под.ред. С.Влахова 1980: 295] по крайней мере в одном из вариантов перевода.

9) Я глянул вниз и увидел черненькую симпатичную Иру, которая с самого первого дня *строила мне глазки*....

- Погледнах надолу и видях мургавката симпатична Ира, коятооще от първия ден *се усукваше* около мен...(Перевод наш: ...*ми хвърляше недвусмислени погледи*...)

10) Ирочка *стреляла в меня глазками* так выразительно, что я не верил, чтобы она не обсуждала меня со своей подругой.

- Ирочка ми *хвърляше такива изразителни погледи* (Перевод наш: *Ирочка ме стрелкаше с такъв закачлив поглед*), че не вярвам да не ме е обсъждала с приятелката си.

В примерах (9) и (10) в тексте оригинала на одной странице употреблены синонимичные по смыслу ФЕ *строила мне глазки* и *стреляла в меня глазками*. Они окрашены иронической тональностью и означают: «*игриво, кокетливо посматривать на кого-либо, кокетничать, стараться обратить на себя внимание, флиртовать*». Образ фразеологизмов в целом отображает стереотипное представление о типично женском поведении в ситуации, когда женщина хочет сообщить о своём выборе, о своём расположении, предпочтении в отношении того или иного мужчины, а также в тех случаях, когда она стремится понравиться мужчине, увлечь, заинтересовать его собой. Переводческое решение в (9) использовать лексический перевод при помощи глагола *усукам се около някого* не соответствует как значению фразеологизма

оригинала, так и ситуации невинного заигрывания и флирта, так как его значение в ПЯ «ухаживаю действительно». Поэтому перевод «хвърляше недвусмысленни погледи» является, как нам кажется, более подходящим.

В (10) можно было бы использовать фразеологизм *стрелкаше с поглед*, что означает: «поглеждам внезапно и за кратко време от любопитство, за закачка». Этот фразеологизм более точно передает смысл оригинала, сохраняя и его образность и стилистические характеристики.

11) А после Крыма я по крайней мере полгода не кашляла. Жалко, что теперь эту **лавочку прикрыли**.

- А след Крим аз най-малко половин година не кашлях. Жалко, че сега **е недостъпен** за нас. (Наш перевод:...*кепенците хлопнаха* за нас.)

Стилистически окрашенный разговорно-просторечным колоритом фразеологизм *прикрыть лавочку*: «прекращать какую-либо деятельность, дело», адекватно переведен лексическим вариантом **е недостъпен**. Таким образом переводчик намекает на период, когда Крым является частью территории Украины. Но в болгарском языке есть аналогичное фразеологическое соответствие, которое является более удачным в образно-экспрессивном плане: *кепенците хлопнаха*.

12) Пусть у него нет полета фантазии, который необходим в сыщицком деле, но зато **его на кривой козе не объедешь**.

- (Той) ... нямаше развентено въображение, което е необходимо в детективната работа но за сметка на това, човек **не можеше лесно да го измами**.

Русский фразеологизм *на [кривой] козе не объедешь* имеет значение: «не обманешь, не проведёшь, не перехитришь кого-л. [ФСРЯ 1994: 200], поэтому лексический перевод соответствует смыслу оригинала, но неизбежно теряется яркая экспрессивность, образность и стилистическая принадлежность к разговорно-просторечному стилю.

Дословный перевод (или калькирование) фразеологических единиц может быть применен лишь в том случае, если в результате получается выражение, образность которого легко воспринимается

болгарским читателем, и не приводит к неестественности и к нарушению общепринятых норм ПЯ. Кальки достаточно широко используются в переводческой практике, так как, они позволяют сохранить образный строй оригинала (что является важным в художественном переводе).

13) Рудин, президент фестиваля, *рвал и метал*.

- Рудин, президентът на фестивала, *късаше и хвърляше* от яд.

Разговорно-экспрессивный по стилистической окрашенности фразеологизм *рвать и метать* этимологически связан с выражением из диалекта картежников. Первоначально он характеризовал азарт банкмета, который то и дело рвал, то есть распечатывал новые колоды и метал карты. [*Справочник по фразеологии 2013*] Вряд ли переводчик имел в виду при переводе именно это, но, тем не менее, мы видим буквальный перевод русских глаголов *рвать и метать* – *късаше и хвърляше*. Подобная переводческая интерпретация искажает смысл и значение оригинала. В один синонимичный ряд по смыслу с фразеологизмом *рвать и метать* выстраивается идиом *метать громы и молнии*, означающий «быть в состоянии негодования, раздражения, неистовствовать, быть вне себя, приходиться в бешенство». В болгарском языке есть фразеологизмы, которые передают стереотипное представление о состоянии человека, находящегося в крайнем раздражении, в гневе: *сия гръм и мълнии* и *сия огън и жупел*. Несмотря на то, что они восходят к древнейшим кодам культуры – античной мифологии и Библии, их религиозно-мифический ореол стерт и в современном болгарском языке они относятся к разговорному стилю. Они совпадают и семантически с русским оригиналом: «*остро, яростно критикувам, нападам някого*». Дословный перевод данного отрезка текста привел к семантически искажающему буквализму, при этом у переводчика, как видим, был выбор из двух вариантов в ПЯ.

14) Каждый должен *тянуть свой воз*.

- Всеки трябва да *тегли собствената си каруца*.

Русский фразеологизм *тянуть воз* употребляется в значении «выполнять (обычно в одиночку) трудную, большую работу». Буквальный перевод болгарского эквивалента передает образ оригинала, но не выделяет в достаточной мере сему «надо

справляться с тяжелой работой самостоятельно». Поэтому можно предложить вариант фразеологического аналога: **Всеки сам трябва да отъва каша**. Он передает тот же смысл и частично воспроизводит образность оригинала.

15) Об этого Алояна **зубы пообломали** многие сыщики и следователи, дважды его предавали суду и дважды он выходил из зала судебного заседания с гордо поднятой головой и оправдательным приговором под мышкой.

- Много детективи и следователи си бяха я **изпочупили зъбите** о тоя Алоян, два пъти го бяха *предавали в съда* (наш перевод: *давали на съд*), но и двата пъти той бе излизал от съдебната зала с гордо вдигната глава и с оправдателна присъда под мишницата.

Глагольно-именной фразеологизм **обломать зубы (о кого, что)** маркирован разговорно-просторечной окраской и означает «терпеть неудачу в каком-либо нелёгком деле, начинании, занятии». Контекст ясно подсказывает ситуацию его употребления: правоохранительным органам долгое время не удавалось собрать необходимые доказательства, чтобы преступника осудили. Вариант болгарского перевода передан настолько буквально, что выглядит странным и неуклюжим из-за нарушения нормы грамматического построения (изпочупвам си зъбите о), что мешает восприятию образа и смысла. В болгарском языке есть разговорный идиом *строшавам/строша си зъбите*, но его употребление потребует синтаксических изменений всего предложения, чтобы построить конструкцию, описывающую ситуацию. Удачнее употребить синонимичный фразеологизм разговорно-просторечного плана **видяха голямзор/бая зор с него**, который соответствует смыслу и стилистическому регистру оригинала.

Иногда, учитывая контекстуальное погружение фразеологизма и в целях объяснения смысла ФЕ, которая может иметь в языке перевода аналог или даже эквивалент, переводчику необходимо прибегнуть к описательному переводу. При этом ему часто приходится осуществлять различные лексические трансформации единиц исходного языка.

Поиск контекстуальных соответствий можно продемонстрировать на примере употребления фразеологизма *баш на баш* в двух местах оригинала:

16) Серега, ну не упирайся, давай *баш на баш*: я же тебе помогаю, ну и ты помоги хорошему человеку.

- Серьога, хайде не се опъвай, дай да се разберем *танто за танто*: аз нали ти помагам, помогни и ти на един много свестен човек.

17) Олег сначала его отговаривал, потом они решили *баш на баш*.

- Олег отначало го разубеждаваше, после се разбраха *всеки да извлече своята полза*.

В примере (16), учитывая наличие в языке перевода фразеологического аналога, переводчик правильно перевел идиом тюркского происхождения *баш на баш* на болгарский язык при помощи эквивалента *танто за танто*, который в ПЯ имеет итальянское происхождение. Семантически они совпадают и употребляются, когда речь идет о справедливом, равноценном обмене, сделке. Стилистический регистр также совпадает и имеет разговорный характер.

В (17) при переводе того же фразеологизма переводчик вполне оправданно выбрал стратегию описательного перевода. Перевод на основе целостного переосмысления фразеологизма вполне контекстуально оправдан.

В заключение можно сделать вывод о том, что конкретная стратегия переводчика и семантико-трансформационная модель, применяемые им в процессе перевода, во многом зависят от соотношения исходного языка и ПЯ, а также от сложности решаемой переводческой проблемы. В основе оптимальной переводческой стратегии лежит ряд установок и операций, которыми сознательно или бессознательно переводчик руководствуется, делая свой выбор. Он кажется самоочевидным, хотя по-разному реализуется с учетом конкретных условий переводческой деятельности и специфики текста оригинала.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Петкова С. Цитирование пословиц как инструмент реализации стратегии персуазивности в российских медиатекстах. Сб. «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: ренессанс базовых ценностей?», Челябинск, ЧГИК, 2018.
4. Русско-болгарский фразеологический словарь под ред. С.Влахова, София, Изд. «Наука и искусство», 1980.
5. Справочник по фразеологии 2013 -<http://new.gramota.ru/spravka//phrases/>
6. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. [Текст] М.: АСТ-ПРЕСС, 2006.
7. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И. Молоткова. М./

Literary sources:

1. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. - M .: Nauka, 1977.
2. Lingvisticheskiĭ éntsiklopedicheskiĭ slovar. - M.: Sovet-skaya éntsiklopediya, 1990.
3. Petkova S. Tsitirane poslovits kato instrument za realizatsiya na strategii persezativnostiv rossiĭskikh mediatekstakh. Sb. «Lyubimi traditsionni kulturi v sŭvremennoto kulturno prostranstvo: renesans bazovi tsennosti?», Chelyabinsk, CHGIK, 2018.
4. Rusko-bolgarski frazeologicheski slovar pod red. S.Vlakhova, Sofiya, Izd. «Nauka i izkustvo», 1980g.
5. Spravochnik po frazeologii 2013 -<http://new.gramota.ru/spravka//phrases/>
6. Teliya V.N. Bol'shoĭ frazeologicheski slovar' ruskogo yazyka. [Tekst] M.: AST-PRESS, 2006.
7. Frazeologicheski slovar russkogo yazyka / Pod red. A.I. Molotkova. M. /

Манчев Владимир Симеонович
доктор филологии, главный
ассистент
Софийский университет
им.Св.Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: v.manchev@abv.bg

Manchev Vladimir Simeonovich
Chief assistant, PhD.
Sofia University "St.KlimentOhridski"
Bulgaria, Sofia
e-mail: v.manchev@abv.bg

В. С. Манчев

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ БОЛГАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Национально-культурный компонент фразеологизма часто становится препятствием при переводе с ИЯ на ПЯ. Фразеологическая категоризация внутри одного языкового сообщества не всегда совпадает с категоризацией другого. Чтобы найти наилучший вариант понимания в случае контакта разных культур, переводчик прибегает к описательной интерпретации.

Ключевые слова: фразеологические единицы, перевод, национально-культурный компонент

V. S. Manchev

ON SOME SPECIFIC FEATURES OF THE TRANSFER OF BULGARIAN PHRASEOLOGICAL UNITS INTO RUSSIAN

Abstract. The national-cultural component of phraseology often becomes an obstacle when translating from the SL to the TL. The phraseological categorization within one language community not always agrees with that of the other. To find a comprehensive variant of understanding in case of different cultures in contact, the translator resorts to descriptive interpretation.

Keywords: phraseological units, translation, national-cultural component

Изучение проблем передачи ФЕ безусловно представляет большой интерес и помогает определить особенности исторического развития фразеологий родственных языков.

Фразеологические единицы неоднократно становились объектом описания в работах В.В. Виноградова, В.М. Мокиенко, Р.Н. Попова, Н.М. Шанского, Ю.П. Сологуба, Б.А. Ларина, Н.Д. Фоминой, В.Н. Телия, А.В. Кунина, В.П. Фелициной, О.А. Семёновой и др. Исследование этих единиц всегда вызывало большой интерес как у теоретиков перевода, так и у переводчиков-

практиков. Именно фразеологические единицы (*здесь и далее – ФЕ*), по мнению таких исследователей как Л.В. Молчанова (2014) и Е.Недкова (2017), являются наиболее трудными для перевода. Болгарская исследовательница приходит к выводу, что “ФЕ являются одними из наиболее трудно переводимых языковых единиц и при их переводе не существует однозначных решений” (Недкова 2017: 2). Мы разделяем данную точку зрения, тем более, что, как известно, фразеология является неотъемлемой частью живого народного языка, отличающегося образностью, экспрессивностью, насыщенностью специфической лексикой. Не следует забывать также и о том, что во фразеологии запечатлеваются исторические события, важные для данного народа, особенности его культуры и быта. Достаточно упомянуть хотя бы такие болгарские ФЕ, как: *«Дотолкова, аго, и аз знам корана!»*; *«Кисел като турчин през рамазан.»*; *«Женски език от турска сабя по-остър.»* и др., в которых сохраняется историческая память о пятивековом османском иге, те, в которых упоминаются предметы традиционного быта: *«Цървули няма, гайда иска.»*; *«Бъклица ли чакаш?»*; *«Да знае Мара кога е шарен зелник яла.»*, а также ФЕ, в которых присутствуют характерные для Болгарии географические наименования, *«Навъсил се като Стара планина през март.»* Аналогичным образом и русские ФЕ: *«Не красна изба углами, а красна пирогами.»*; *«Без веры господь не избавит, без правды господь не исправит.»*; *«Француз боек, да русский стоек.»*, *«Пусто, словно Мамай прошел.»*; *«Пирог да блины – а там сиди да гляди.»*; *«Щей горшок, да сам большой.»* дают нам сведения о религии, истории, быте русского народа, его взглядах на справедливость и правосудие: *«Судьям то и полезно, что в карман полезло.»*

Замечательные болгарские переводоведы С. Влахов и С. Флорин отмечают, что “Возможности достижения полноценного словарного перевода ФЕ зависят в основном от соотношений между единицами ИЯ и ПЯ:

1) ФЕ имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение + коннотации), т.е. фразеологизм ИЯ = фразеологизму ПЯ, переводится эквивалентом;

2) ФЕ можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, т.е. фразеологизм ИЯ \approx фразеологизму ПЯ, переводится вариантом (аналогом);

3) ФЕ не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, непереводаема в словарном порядке, т.е. фразеологизм ИЯ \neq фразеологизму ПЯ, передается иными, не фразеологическими средствами.

Несколько упрощая схему, можно сказать, что ФЕ переводят либо фразеологизмом (первые два пункта) – фразеологический перевод, либо иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) – нефразеологический перевод.” (Влахов, Флорин: 1980, 53)

Очевидно, что при переводе на близкие языки точный эквивалент найти легче. Так обстоит дело с такими ФЕ, как, например, “искать иголку в стоге сена”:

“Белна му се капелата към общината, дигна се вътре дандания, разлетеха се пьдарите да дирят из букака, ама то е все едно в купа сено да намериш игла.”

“Там сразу крик, гам, полетели сторожа лес прочесывать, да ведь это все равно, что иголку в стоге сена искать.”

(Н. Хайтов. Лесной дух. Перев. М. Михелевич. с. 44)

Приведенный выше пример демонстрирует нам полную эквивалентность по всем языковым параметрам – лексическому составу, сочетаемости, одинаковому денотативному и коннотативному значению, за исключением лишь формы глагола.

При передаче ФЕ весьма сложно, а подчас и невозможно сохранить содержание, не меняя при этом форму, т.к. между фразеологизмами исходного языка и языка перевода далеко не всегда существуют эквивалентные отношения. По этой причине переводчик бывает вынужден подбирать ФЕ, обладающие иной образностью, но выражающие то же значение.

«Че като рече тоя мъж: «А он как даст стрекача –
дръжете ма, ноги, ако си вятър быстрее ветра помчался!»”
– стигни го.»

(Н. Хайтов, 1983, перев. М. Михелевич, с. 11)

Согласно словарю болгарского языка, ФЕ «**дръжете ма, ноги**» имеет следующее значение: «**Дръжете ме нозе (ноги)**», диал. Употребява се като подкана преди някой да побегне, да хукне; бягай (беж) да бягаме. (<https://rbe.chitanka.info/нога>). Однако, в контексте рассказа Хайтова данное выражение имеет значение, совпадающее со значением русской ФЕ «**давать стрекача (стречка), дать стрекача (стречка)**», *прост., экспрес.-* стремительно убежать ([https://phraseology.academic.ru/3011/Дать_стрекача_\(стречка\)\)](https://phraseology.academic.ru/3011/Дать_стрекача_(стречка)))).

Очевидно, что, выбирая наиболее подходящий вариант передачи ФЕ на язык перевода, необходимо учитывать, помимо всего прочего, ее стилистическую принадлежность и национальный колорит, так как подчас именно эти характеристики не позволяют использовать самый подходящий, на первый взгляд, вариант. Переводчик сталкивается с необходимостью выбирать из разнообразных синонимов именно тот, который наиболее полноценно смог бы передать смысл ФЕ оригинала. Так, например, русскую ФЕ “уснуть вечным сном” не следует передавать болгарской грубо просторечной «**да ритнеш топа**». Поэтому, как мы полагаем, предложенный переводчицей О. Кутасовой вариант передачи на русский язык болгарской ФЕ «**бера душа**» «**вот-вот богу душу отдам**» является весьма удачным в данном контексте:

«А той вика: “Аз, приятел, «А он: “Я, друг, вот-вот богу
бера душа и няма за кога да душу отдам.»
чакам.»

(Н. Хайтов. Дорожки. Перев. О. Кутасовой. с. 117)

Подчас фразеологические соответствия отсутствуют, и переводчику приходится передавать ФЕ при помощи лексических средств или даже одного слова, хотя при этом наблюдаются потери по отношению к образности и экспрессивности (см. Влахов, Флорин

1990: 81). Так, например, переводчица Михелевич использовала для передачи на русский язык болгарскую ФЕ *«не си поплювам»* устойчивое сочетание *«лихости не занимать»*:

«Всички ме знаеха, че си не поплювам, та щом някой се наканеше да си краде жена – викаха мене.»

«Слава про меня шла, что лихости мне не занимать, так что, когда собирался Кто невесту умыкать, ни к кому другому – ко мне шли.»

(Н. Хайтов. Времена молодецкие. Перев. М. Михелевич. с. 9)

В свою очередь переводчица О. Кутасова для передачи болгарской ФЕ *«всичко е човешка направа»* воспользовалась выражением *«с человеком всякое может случиться»*, не являющимся ФЕ.

«Всичко е човешка направа – казвам, – защо да не може?»

«С человеком всякое может случиться»

(Н. Хайтов. Дорожки. Перев. О. Кутасовой. с. 121)

Интересным, но не бесспорным примером нефразеологического перевода, на наш взгляд, является следующий отрывок из рассказа Н. Хайтова *«Голая совесть»*:

«Работата, значи, бие на дебело.» *«Дело, видать, всурьез оборачивалось.»*

(Хайтов. Голая совесть. Перев. М. Тарасовой, с. 84)

Согласно Словарю болгарского языка: *«Бия на дебело»*, разг. За някакво положение, обстоятелство, работа – вземам сериозен характер, има опасност да завърша зле. *Бяха им наловили риба, печено ягне бяха опекли да ги гощават, но началникът не прие гощавката, ами нареди транзит през село да се мине в гората и там*

да се разпитат свидетелите. Работата, значи, бие на дебело. Н. Хайтов, ДР, 135. (<https://rbe.chitanka.info/?=ДЕБЕЛО>). В данном случае переводчица Мария Тарасова использовала просторечие, хотя можно было бы воспользоваться русской ФЕ «*дело пахнет керосином*» с тем же значением, хотя и с другой образной основой.

Подобным образом можно было бы поступить и с болгарской ФЕ *налягай си парцалите*, подобрав ей в РЯ вместо невыразительного *помалкивай* такие эквиваленты, как: *держи язык за зубами (держи язык на привязи); помалкивай (молчи) в тряпочку или: заткни фонтан.*

В некоторых случаях болгарскую ФЕ можно, в принципе, передать русской, с аналогичным значением. Так, болгарская ФЕ «*Без време гост от турчин по-лош*», заменяется при переводе русской поговоркой: «*Незванный гость хуже татарина*». Оба фразеологизма, на первый взгляд, являются практически полными эквивалентами, однако основу их образности составляют два разных этнонима: “турчин” и “татарин”, ассоциирующихся с периодом османского ига в Болгарии и татаро-монгольского ига в средневековой России. Вполне очевидно, что смешивать два эти периода в истории двух славянских государств было бы ошибочно, следовательно, переводчик должен искать более подходящий вариант для передачи вышеупомянутых ФЕ.

Безусловно, сравнительно-сопоставительное изучение болгарской фразеологии даёт возможность ознакомиться с историей, бытом и культурой болгарского народа, с богатством, выразительностью, образностью болгарской речи, способствует достижению взаимопонимания и углублению культурных и духовных связей между двумя славянскими народами. Как справедливо отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров: «Функциональное сближение фактов двух культур, а также подчеркивание культурно-исторических контактов имеет, наряду с коммуникативным, важное гуманистическое значение» (Верещагин, Костомаров 1982: 283).

На основании всего вышеизложенного можно было бы сделать следующие выводы:

1. В подавляющем большинстве случаев наблюдается адекватное воспроизведение функционально-стилистической роли болгарских ФЕ, что обусловлено прежде всего близким родством фразеологических систем сопоставляемых языков.

2. На качество перевода значительное влияние оказывает своеобразие системы выразительных средств исходного и переводящего языков, стиль и жанр переводимого произведения, а также особенности стиля автора произведения.

3. Адекватный перевод требует учета не только сходств, но и различий фразеологических систем сравниваемых языков, знания экстралингвистических факторов.

4. Точность перевода в значительной мере зависит также от личности переводчика – культуры его речи, знания им фразеологического фонда языков подлинника и перевода, ряда лингвокультурных и исторических особенностей, что позволяет передать не только предметно-логическое, но и эмоционально-оценочное, образное содержание болгарских ФЕ.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение и принцип коммуникативности в преподавании русского языка как иностранного. В кн.: V Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Тез. докл. – Прага, ЧССР, 1982, с.282 – 283.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., “Международные отношения”. 1980, 98 с.
3. Молчанова Л.В. Юмор и перевод: к проблеме адаптации юмористического текста к иноязычной культуре. Филологические науки № 4. 2014. (с. 101 – 104).
4. Недкова Е. Теорията за еквивалентността на превода като теория за неговата относителност при превеждането на фразеология в художествен текст. Българска електронна лингвистична библиотека „Стефан Гърдев” > [georgesg.info/belb /cat.phppersonal=nedkova](http://georgesg.info/belb/cat.phppersonal=nedkova) > 12.05.2017.
5. Николай Хайтов. Гола съвест. Диви разкази. „Христо Г. Данов“, Пловдив. 1967.
6. Николай Хайтов. Колочая роза: Рассказы; Эссе; Публицистика. М., “Художественная литература”. 1983.
7. <https://phraseology.academic.ru>

Literary sources:

1. Vereshtagin E.M., Kostomarov V.G. Lingvostranoobrazuvane i printsip na komunikativnost v prepodavane na ruskoto eziko kato inostrannogo. V kn .: V Mezhdunaroden kongres prepodavateli na rusko ezikovo i literaturno: Tez. dokl. - Praga, CHSSR, 1982, s.282 - 283.
2. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M., „Mezhdunarodni otnosheniya“. 1980, 98 s.
3. Molchanova L.V. Yumor i perevod: kŭm problemi adaptatsiya yumoristicheskoto tekstovo k inoyazychnoi kulture. Filologicheski nauki № 4. 2014. (s. 101 - 104).
4. Nedkova E. Teoriya za ekvivalentnost na prevoda kato teoriya za sŭotvetnata vrŭzka pri prevod na frazeologiya v khudozhestven tekst. Bŭlgarska elektronna lingvistichna biblioteka „Stefan Gŭrdev“> [georgesg.info/belb /cat.phppersonal=nedkova](http://georgesg.info/belb/cat.phppersonal=nedkova)> 12.05.2017.
5. Nikolaĭ Khaĭtov. Gola sŭvest. Divi razkazi. „Khristo G. Danov“, Plovdiv. 1967.
6. Nikolaĭ Khaĭtov. Kolyuchaya roza: Rasskazy; Ésse; Publitsistika. M., “Khudozhestvennaya literatura”. 1983 godina.
7. <https://phraseology.academic.ru>

Использованные сокращения:

- ИЯ – исходный язык
ПЯ – язык перевода
ФЕ – фразеологическая единица
БЯ – болгарский язык
РЯ – русский язык

ЮБИЛЕИ

ПРОФЕССОРУ, ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ВАЛЕРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ МОКИЕНКО ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ

Доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского университета, главный научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ Валерий Михайлович Мокиенко занимает видное место в русской и зарубежной славистике благодаря необычайному размаху исследовательской, педагогической и научной деятельности.

В. М. Мокиенко в 1959 году поступил на I курс славянского отделения филологического факультета Санкт-Петербургского университета (в то время Ленинградского университета) по специальности чешский язык. Знание украинского языка, освоенного им в годы детства в Керчи, а затем в Измаиле, помогло ему легко

освоить не только основную специальность – чешский язык, но и выучить другие славянские языки.

В 1964 г. В. М. Мокиенко окончил славянское отделение, а 1969 г. стал кандидатом наук. Его кандидатская диссертация была посвящена географическим названиям в народных говорах Псковщины. Материал он накапливал постепенно, уже со студенческих лет участвуя в диалектологических экспедициях, начало которых положил в свое время Б. А. Ларин. В те же годы родилась и его творческая и человеческая дружба с Никитой Ильичем Толстым, оказавшая огромное влияние на формирование молодого ученого, на расширение сферы его научных интересов.

Увлечшись тогда еще молодой наукой – фразеологией, В. М. Мокиенко в 1976 г. защитил докторскую диссертацию «Противоречия фразеологии и ее динамика» и внес значительный вклад в разработку теории этой дисциплины. В основе его подхода – выявление динамического взаимодействия противоречивых свойств фразеологической системы, раскрытие механизма фразеобразования с привлечением широких генетических и типологических параллелей. Именно в осознании и четкой формулировке противоречий фразеологии, пожалуй, заключается основная заслуга В. М. Мокиенко как теоретика этой науки. Позже его идеи были отражены и развиты им в книге «Славянская фразеология» (1980).

Научные интересы В. М. Мокиенко чрезвычайно широки, однако доминантами его научно-исследовательской деятельности являются: славистика, сопоставительная лексикология и фразеология славянских языков, этнолингвистика, теория перевода, историко-этимологическая фразеология и паремиология и славянская лексикография.

Валерий Михайлович Мокиенко – советский и российский филолог, основатель Петербургской фразеологической школы, автор многочисленных лингвистических монографий и словарей по русской фразеологии, жаргонам, бранной лексике.

За выпуск серии фразеологических словарей В. М. Мокиенко получил золотую медаль В. И. Даля. При получении медали он сказал: «Для меня получение золотой медали В. И. Даля – и приятный сюрприз, и большая радость. Собственные наши записи и

данные из других источников стали основой для трех больших словарей – русских пословиц, поговорок и народных сравнений». 200 000 жемчужин народной мудрости и образности вошло в пословичную трилогию («Большой словарь русских поговорок», «Большой словарь русских народных сравнений», «Большой словарь русских пословиц»).

По мнению профессора, подобные словари обретают особо важное значение сейчас, когда интернетный глобализм и давление английского языка нередко вытесняют даже простые русские слова и выражения. «Наша цель – сохранить для наших потомков всеценное, что берегла деревенская Русь и живая городская речь», – добавил Валерий Мокиенко.

Профессор заметил, что говорит «наши записи», «наши словари» не просто так: «Без помощи моих студентов, аспирантов, докторантов (а их более 70) я не смог бы составить словари. Точно также, как Далию помогали многие собиратели, о чем он пишет в предисловии к своему изданию. И я благодарю своих учеников и коллег за более чем полувекое сотрудничество».

Имя В. М. Мокиенко хорошо известно в Болгарии. Болгарским русистам, славистам хорошо известны его многочисленные книги, словари, научные разработки. Он принял участие в работе XI конгресса МАПРЯЛ в Варне, вел мастер-класс «Словари XXI века и обучение русскому языку» на Педагогическом форуме преподавателей-русистов в Софии (2019), является рецензентом многих научных работ болгарских русистов.

Валерий Михайлович – исключительно жизнелюбивый и доброжелательный человек. Его одержимость наукой заразительна. В свои теперь уже зрелые годы он умеет делиться своей энергией с учениками со всего мира, заражая их своим увлечением наукой.

Желаем Валерию Михайловичу Мокиенко крепкого здоровья, много сил и бодрости, долгих лет творческой жизни, чтобы он мог бы выполнить все задуманное!

Профессор, д-р Стефка Георгиева

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: bgrusisty@gmail.com. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликованные **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru (10 пр.)

И. В. Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I. V. Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски – постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стиль. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И Ж У Р Н А Л А

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com